

А. Д. Сахаров 1921–2021

Тексты

НЕКОТОРЫЕ ЦИТАТЫ ИЗ ТЕКСТОВ А. Д. САХАРОВА НА ТЕМЫ:	3
ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА.....	3
МИР И ЭКОЛОГИЯ ЗЕМЛИ	5
НАУКА И ПРОГРЕСС	7
АВТОБИОГРАФИЯ (1981).....	8
ВЫДЕРЖКИ ИЗ КЛЮЧЕВЫХ СТАТЕЙ А. Д. САХАРОВА.....	11
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОГРЕССЕ, МИРНОМ СОСУЩЕСТВОВАНИИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЕ (1968)	11
МИР ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА (1974)	23
НОБЕЛЕВСКАЯ ЛЕКЦИЯ «МИР. ПРОГРЕСС. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА» (1975)	32
О СТРАНЕ И МИРЕ (1975).....	39
ТРЕВОГА И НАДЕЖДА (1977).....	50
ТРЕВОЖНОЕ ВРЕМЯ (1980).....	56
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧЕНЫХ (1981).....	63
С МЫСЛЬЮ МОЖНО БОРОТЬСЯ ТОЛЬКО МЫСЛЬЮ (1988)	66
ЛИОНСКАЯ ЛЕКЦИЯ (1989).....	70

Некоторые цитаты из текстов А. Д. Сахарова на темы:

Защита прав человека

«Я убежден, что идеология защиты прав человека — это та единственная основа, которая может объединить людей вне зависимости от их национальности, политических убеждений, религии, положения в обществе...»
(«Воспоминания», Т. 1)

«Надо сделать нашу страну правовым государством, когда никто не сможет командовать судьей, следователем. ... Мы обязаны стать страной убеждений, без преследования и насилия ... Все это будет возможно только тогда, когда исчезнут основания для возрождения тоталитарного режима и бесконтрольной власти».

(Выступление Сахарова 9 сент. 1989 года в Доме политпросвещения обкома КПСС г. Челябинска)

«Я убежден, что в условиях нашей страны нравственная и правовая позиция является самой правильной, соответствующей потребностям общества. Нужна планомерная защита человеческих прав и идеалов, а не политическая борьба, неизбежно толкающая на насилие, сектантство и бесовщину».

(Предисловие к сборнику «*Sakharov Speaks*», Нью-Йорк, 1974)

«Сейчас мы переживаем такой момент истории, когда решительная поддержка принципов свободы убеждений, открытости общества, прав человека являются абсолютной необходимостью. Альтернатива — капитуляция перед тоталитаризмом, потеря всех ценностей свободы, политическая, экономическая и нравственная деградация».

(Обращение к парламентам всех стран, подписавших Заключительный Акт Конференции в Хельсинки, 27 сентября 1977)

«Гласная, ненасильственная защита прав человека — так, как эти права провозглашены Всеобщей декларацией прав человека ООН — является той идеологией, которая может объединить и объединяет в нашей стране в рамках демократического движения людей разных политических убеждений, национальностей, верований».

(Интервью газете «Монд», август 1978)

«Сейчас нравственное состояние нашего общества сильно изменяется. Оно испытывает встряску. На людей обрушилось море информации о том, что у нас в действительности было в прошлом, что происходит в настоящем. Я считаю, что это очищающая сила, которая должна помочь, во всяком случае молодежи, обрести более демократическое сознание. А демократическое сознание включает уважение к людям с другим мнением и желание самому разобраться во всем, без слепой веры авторитетам. Инакомыслящие нужны обществу».

В целом же хочу сказать: с мыслью можно бороться только мыслью». *(«С мыслью можно бороться только мыслью», 1988)*

«Я убежден, что международное доверие, взаимопонимание, разоружение и международная безопасность немыслимы без открытости общества, свободы информации, свободы убеждений, гласности, свободы поездок и выбора страны проживания. Я убежден также, что свобода убеждений, наряду с другими гражданскими свободами, является основой научно-технического прогресса и гарантией от использования его достижений во вред человечеству, тем самым основой экономического и социального прогресса, а также является политической гарантией возможности эффективной защиты социальных прав. Таким образом, я защищаю тезис о первичном, определяющем значении гражданских и политических прав в формировании судеб человечества». *(Нобелевская лекция «Мир. Прогресс. Права человека», 1975)*

«Некоторые считают [...] мои обращения проявлением наивности, прекраснодушия, а иные даже считают их своего рода “игрой”, опасной и провокационной. Такие оценки кажутся мне неправильными. Обращения по общим вопросам, по моему мнению, важны уже тем, что они способствуют обсуждению проблемы, формулируют альтернативную официальной точку зрения, заостряют проблему, привлекают к ней внимание. Это, несомненно, важно не только для широкой общественности – это главное, но, как мне кажется, и для высших правительственных кругов, где тоже мы не можем полностью исключить наличие каких-то, хотя и очень медленных, но реальных процессов изменения точек зрения и практики. Что же касается обращений по конкретным вопросам, в защиту тех или иных лиц или групп, то опять же они привлекают общественное внимание к судьбам этих лиц и тем самым хоть в какой-то мере их защищают; далее, атмосфера гласности препятствует дальнейшему расширению нарушений прав человека; и, наконец, все же время от времени судьба защищаемых иногда меняется к лучшему». *(«Воспоминания», Т. 1)*

«Защита прав человека не носит политического характера. Она целиком исходит из нравственных принципов и ее связи с защитой мира на Земле. Поэтому все люди доброй воли, безотносительно к их «правым» или «левым» политическим убеждениям, могут и должны принять в ней участие». *(«Тревога и надежда», 1977)*

«Человеческому обществу необходима интеллектуальная свобода — свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитета и предрассудков. Такая тройная свобода мысли — единственная гарантия от заражения народа массовыми мифами, которые в руках коварных лицемеров-демагогов легко превращаются в кровавую диктатуру». *(«Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», 1968)*

«Я отрицаю сколько-нибудь существенное устрашающее действие смертной казни на потенциальных преступников. Жестокость порождает жестокость».
(Обращение в организационный комитет симпозиума по проблеме смертной казни, 1977)

«Я не принадлежу ни к какой церкви. Но в то же время я не могу считать себя последовательным материалистом. Я считаю, что какой-то высший смысл существует и во вселенной, и в человеческой жизни тоже».
(Вопросы работников Уралмашзавода, 15 сентября 1989 г., Свердловск)

«Сила борьбы за права человека — не в организации, не в числе участников. Это сила моральная, сила безусловной правоты. Это движение не может исчезнуть бесследно. Уже сказанное слово живет, а новые люди со своими неповторимыми судьбами и сердцами вносят все новое и новое»
(Заочное интервью корреспонденту ЮПИ, 1982)

«Я не профессиональный политик, и, может быть, поэтому меня всегда мучают вопросы целесообразности и конечного результата моих действий. Я склонен думать, что лишь моральные критерии в сочетании с непредвзятостью мысли могут явиться каким-то компасом в этих сложных и противоречивых проблемах. Я воздерживаюсь от конкретных прогнозов, но сегодня, как и всегда, я верю в силы человеческого разума и духа».
(«Автобиография»)

Мир и экология Земли

«Нельзя с целью избежать агрессии с применением обычного оружия угрожать ядерным оружием, если его применения нельзя допустить. [...] я еще раз подчеркиваю, насколько важно всеобщее понимание абсолютной недопустимости ядерной войны — коллективного самоубийства человечества. Ядерную войну невозможно выиграть. Необходимо планомерно — хотя и осторожно — стремиться к полному ядерному разоружению на основе стратегического равновесия обычных вооружений. Пока в мире существует ядерное оружие, необходимо такое стратегическое равновесие ядерных сил, при котором ни одна из сторон не может решиться на ограниченную или региональную ядерную войну. Подлинная безопасность возможна лишь на основе стабилизации международных отношений, отказа от политики экспансии, укрепления международного доверия, открытости и плюрализации социалистических сообществ, соблюдения прав человека во всем мире, сближения — конвергенции — социалистической и капиталистической систем, общемировой согласованной работы по решению глобальных проблем».
(«Опасность ядерной войны». Открытое письмо доктору Сиднею Дреллу, 2 февраля 1983)

«Спасение человечества от угрозы термоядерной гибели имеет несомненный приоритет перед всеми остальными задачами, но нельзя отделить эту задачу от других политических, экономических, гуманистических и нравственных проблем, и в первую очередь от проблемы «открытости» общества и международного доверия, от преодоления разобщенности Запада. Подлинное решение проблемы разоружения должно включать: а) совершенную систему контроля, и в том числе инспекции; б) снижение вооружений до уровня одинаковой мощности, притом достаточно низкого (это относится как к переговорам по ограничению стратегического оружия сверхдержав, так и к региональным переговорам); в) устранение факторов, способствующих гонке вооружений; г) устранение факторов стратегической неустойчивости.»
(«О стране и мире», 1975)

«Миру нужна демилитаризация, национальный альтруизм и интернационализм, свобода обмена информацией и перемещения людей, гласность, международная защита социальных и гражданских прав человека. Страны «третьего мира» должны получать всестороннюю помощь и со своей стороны полностью принять на себя свою долю ответственности за будущее мира, обратить большее внимание на развитие материального производства, прекратить спекуляцию нефтью.

«Я считаю необходимым специально подчеркнуть, что являюсь убежденным эволюционистом, реформистом и принципиальным противником насильственных революционных изменений социального строя, всегда приводящих к разрушению экономической и правовой системы, к массовым страданиям, беззакониям и ужасам».
(«О стране и мире», 1975)

«Народ, переживший страшные потери, жестокости и разрушения войны, больше всего хочет мира. Это всеобщее, наиболее глубокое, сильное и чистое чувство.»
(«Тревожное время», 1980)

«Человечество может безболезненно развиваться, только рассматривая себя в демографическом смысле как единое целое, как одна семья, без деления на нации в каком-либо ином смысле, кроме истории и традиций»
(«Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», 1968)

«В области экологии положение в нашей стране трагично. Эта беда в значительной мере связана с эгоизмом и безнаказанностью гигантских сверхмонополий — ведомств, так же, как и другие трудности нашей жизни».
(«Горький, Москва, далее везде»)

«Важнейшее условие международного доверия и безопасности — открытость общества, соблюдение в нем гражданских и политических прав человека,

свободы информации, свободы убеждений, свободы религии, свободы выбора страны проживания (т. е. эмиграции и свободного возвращения), свободы зарубежных поездок, свободы выбора места проживания внутри страны».
(«Что должны сделать США и СССР, чтобы сохранить мир», 1971)

«Разобщенность — это для меня обратная сторона плюрализма, свободы и уважения к индивидууму — этих важнейших источников силы и гибкости общества. В целом, и особенно в час испытаний, как я убежден, гораздо важнее сохранить верность этим принципам, чем иметь механическое, казарменное единство, пригодное, конечно, для экспансии, но исторически бесплодное. В конечном счете побеждает живое.»

(«Воспоминания», Т. 1)

Наука и прогресс

«Я вполне понимаю огромные экологические и социальные опасности, которые несет в себе прогресс. Но прогресс, в первую очередь, все же приводит к улучшению условий жизни всех людей на Земле, снимает, если говорить в целом, трагическую остроту социальных, расовых и географических противоречий, уменьшает неравенство в самом необходимом, приводит к уменьшению все еще очень распространенных страданий миллионов людей от голода, нищеты, болезней. И если человечество в целом — здоровый организм, а я верю в это, то именно прогресс, наука, умное и доброе внимание людей к возникающим проблемам помогут справиться с опасностями».

(«Воспоминания», Т. 1)

«Ученый прежде всего — человек. И поэтому мораль, нравственные ценности важнее всего — и в личной и в общественной жизни, и в научной работе».

(Интервью корреспонденту газеты «Монд», август 1978)

«Я не вижу никаких оснований для переоценки значения науки, научного мышления, прогресса, научного образования. Серьезность и опасность стоящих перед человечеством проблем только увеличивают необходимость рационального, объективного и непредвзятого, т.е. научного подхода к ним. Эти проблемы ... очень разнородны по своему характеру и причинам. Экономические и экологические трудности, истощение энергетических и сырьевых источников, загрязнение среды, угроза голода не могут преодолеваться без широкого и рационального использования достижений науки и технологии, без новых комплексных глубоких исследований, вне продолжающегося и расширяющегося всемирного научно-технического прогресса. При этом определенную роль должны играть меры социального характера ...».

«Социальные и международные проблемы — войны, духовный кризис, преступность и наркомания, терроризм, страх перед будущим, перед

прогрессом порождены всем ходом исторического процесса, реальными противоречиями и трудностями неопишимо сложной современной жизни и в первую очередь основным конфликтом эпохи между тоталитаризмом и плюралистическим научно-демократическим направлением развития общества. Научное, рационалистическое мышление не несет никакой ответственности за эти проблемы, более того, оно необходимо для объективной оценки ситуации. Я думаю, что на протяжении более или менее длительного периода развития человечества противоречия этого рода будут существовать, взывая к разуму и гуманности, к альтруизму и мудрости. Это — великий экзамен, которое человечество держит на право существования».
(Ответы на вопросы корреспондента газеты «Ла Стампа», 1979)

«... международная интегрированность научного сообщества неизбежно выходит и должна выходить в еще большей степени за узко профессиональные рамки, охватывая широкий круг нравственных и общечеловеческих проблем».
(«Ответственность ученых», 1981)

«Я убежден, что “сверхзадачей” человеческих институтов, и в том числе прогресса, является не только уберечь всех родившихся людей от излишних страданий и преждевременной смерти, но и сохранить в человечестве всё человеческое — радость непосредственного труда умными руками и умной головой, радость взаимопомощи и доброго общения с людьми и природой, радость познания и искусства».
(«Мир через полвека», 1974)

«Мне кажется, что ученые — в силу интернационализации науки и относительной независимости должны быть способны встать на общечеловеческую, общемировую позицию — выше эгоистических интересов “своего” государства, “своей” нации, выше предрассудков “своей” общественной системы и ее идеологии...».
(Письмо участникам встречи в Сорбонне, 1983)

«Идея подземного размещения ядерных реакторов не нова, против нее выдвигаются соображения экономического характера. На самом деле с использованием современной землеройной техники цена будет, как я убежден, приемлемой. Жалеть же деньги на предотвращение радиационных катастроф нельзя.»
(«Тревога и надежда», 1977)

Автобиография (1981)

Я родился 21 мая 1921 г. в Москве. Мой отец — преподаватель физики, известный автор учебников, задачника и научно-популярных книг. Мое детство прошло в большой коммунальной квартире, где, впрочем, большинство комнат занимали семьи наших родственников и лишь часть —

посторонние. В доме сохранялся традиционный дух большой крепкой семьи — постоянное деятельное трудолюбие и уважение к трудовому умению, взаимная семейная поддержка, любовь к литературе и науке. Мой отец хорошо играл на рояле, чаще Шопена, Грига, Бетховена, Скрябина. В годы гражданской войны он зарабатывал на жизнь, играя в немом кино. Душой семьи, как я это с благодарностью ощущаю, была моя бабушка Мария Петровна, скончавшаяся перед войной в возрасте 79 лет. Для меня влияние семьи было особенно большим, так как я первую часть школьных лет учился дома, да и потом с очень большим трудом сходилась со сверстниками.

Я с отличием окончил школу в 1938 году и тогда же поступил на физический факультет Московского университета. Окончил его тоже с отличием уже во время войны, в 1942 году, в эвакуации, в Ашхабаде. Летом и осенью 1942 года несколько недель жил в Коврове, куда первоначально был направлен на работу по окончании университета, затем работал на лесозаготовках в глухой сельской местности под Мелекесом. С этими днями связаны мои первые, самые острые впечатления о жизни рабочих и крестьян в то трудное время. В сентябре 1942 года направлен на большой военный завод на Волге, где работал инженером-изобретателем до 1945 года. На заводе стал автором ряда изобретений в области контроля продукции (в университете я не сумел включиться в активную научную работу). В 1944 году, работая на заводе, я написал несколько статей по теоретической физике и направил их в Москву на отзыв. Эти первые работы никогда не были опубликованы, но они дали мне то чувство уверенности в своих силах, которое так необходимо каждому научному работнику.

С 1945 года я — аспирант Физического института АН СССР им. Лебедева. Мой руководитель, имевший на меня большое влияние, — крупнейший физик-теоретик Игорь Евгеньевич Тамм, впоследствии академик и лауреат Нобелевской премии по физике. В 1948 году — включен в научно-исследовательскую группу по разработке термоядерного оружия. Руководителем группы был И.Е. Тамм. Последующие двадцать лет — непрерывная работа в условиях сверхсекретности и сверхнапряжения сначала в Москве, затем в специальном научно-исследовательском секретном центре. Все мы тогда были убеждены в жизненной важности этой работы для равновесия сил во всем мире и увлечены ее грандиозностью.

В 1950 году я вместе с Игорем Евгеньевичем Таммом стал одним из инициаторов работ по исследованию управляемой термоядерной реакции. Нами предложен принцип магнитной термоизоляции плазмы. Я предложил также в качестве ближайшей технической цели использование термоядерного реактора для производства делящихся ядерных материалов (ядерного горючего для атомных электростанций). Сейчас работы по управляемой термоядерной реакции получили очень большое развитие во всем мире. Наиболее близко к нашим первоначальным идеям приближается система "токамак", усиленно изучаемая в лабораториях многих стран. В 1952 году по

моей инициативе начаты экспериментальные работы по созданию взрывомагнитных генераторов (устройств, в которых энергия взрыва химической или ядерной реакции переходит в энергию магнитного поля). В 1964 году в ходе этих работ достигнуто рекордное магнитное поле — 25 млн. гаусс.

В 1953 году я был избран академиком Академии наук СССР.

В 1953–1968 годах мои общественно-политические взгляды претерпели большую эволюцию. В частности, уже в 1953–1962 годах участие в разработке термоядерного оружия, в подготовке и осуществлении термоядерных испытаний сопровождалось все более острым осознанием порожденных этим моральных проблем. С конца 50-х годов я стал выступать за прекращение или ограничение испытаний ядерного оружия. В 1961 году в связи с этим у меня возник конфликт с Хрущёвым, в 1962 году — с министром среднего машиностроения Славским. Я был одним из инициаторов заключения Московского договора 1963 года о запрещении испытаний в трех средах (т.е. в атмосфере, в воде и в космосе). Начиная с 1964 года (когда я выступил по проблемам биологии) и особенно с 1967 года круг волновавших меня вопросов все более расширялся. В 1967 году я участвовал в Комитете по защите Байкала.

К 1966–1967 годам относятся мои первые обращения в защиту репрессированных. К 1968 году возникла потребность в достаточно развернутом, открытом и откровенном выступлении. Так появилась статья «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». По существу это те же темы, которые через семь с половиной лет обозначены в названии Нобелевской лекции — «Мир, прогресс, права человека»; я считаю эти темы фундаментально важными и тесно связанными между собой. Это выступление стало поворотным во всей моей дальнейшей судьбе. Очень быстро оно стало широко известно во всем мире. В советской прессе «Размышления» долго замалчивались, потом о них стали упоминать весьма неодобрительно. Многие, даже сочувствующие, критики воспринимали мои мысли в этой работе как очень наивные, прожектерские. Сейчас, спустя тринадцать лет, мне все же кажется, что многие важные повороты мировой и даже советской политики лежат в русле этих мыслей.

С 1970 года защита прав человека, защита людей, ставших жертвами политической расправы, выходит для меня на первый план. Участие вместе с Чалидзе и Твердохлебовым, а затем с Шафаревичем и Подъяпольским в Комитете прав человека являлось одним из выражений этой позиции. (В марте 1976 г. Григорий Подъяпольский трагически рано умер.) С июля 1968 года, после опубликования за рубежом моей статьи «Размышления», я отстранен от секретных работ и «отлучен» от привилегий советской «номенклатуры». С 1972 года все более усиливалось давление на меня и моих близких, кругом нарастали репрессии, я больше о них узнавал, и почти каждый день надо было выступать в защиту кого-то. Часто в эти годы выступал я и по проблемам мира

и разоружения, свободы контактов, передвижения, информации и убеждений, против смертной казни, о сохранении среды обитания и о ядерной энергетике.

В 1975 году я удостоен звания лауреата Нобелевской премии Мира. Это явилось огромной честью для меня, признанием заслуг всего правозащитного движения в СССР. В январе 1980 года я лишен всех правительственных наград СССР (ордена Ленина, звания трижды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий) и выслан в город Горький, где нахожусь в условиях почти полной изоляции и под круглосуточным милицейским надзором. Этот акт властей совершенно незаконен, это — одно из звеньев усиления политических репрессий в нашей стране в последние годы.

С лета 1969 года я — старший научный сотрудник Физического института АН СССР. Мои научные интересы — элементарные частицы, гравитация и космология.

Я не профессиональный политик, и, может быть, поэтому меня всегда мучают вопросы целесообразности и конечного результата моих действий. Я склонен думать, что лишь моральные критерии в сочетании с непредвзятостью мысли могут явиться каким-то компасом в этих сложных и противоречивых проблемах. Я воздерживаюсь от конкретных прогнозов, но сегодня, как и всегда, я верю в силы человеческого разума и духа.

*24 марта 1981 года
Горький*

Выдержки из ключевых статей А. Д. Сахарова

Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе (1968)

Первая работа Сахарова, ставшая достоянием самиздата

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой.
Гёте

[...] В выносимой на обсуждение читателей брошюре автор поставил себе целью с наибольшей доступной ему убедительностью и откровенностью изложить два тезиса, которые разделяются очень многими людьми во всем мире. Эти тезисы суть:

1. Разобщенность человечества угрожает ему гибелью. Цивилизации грозит: всеобщая термоядерная война; катастрофический голод для большей части человечества; оглупление в дурмане «массовой культуры» и в тисках бюрократизированного догматизма; распространение массовых мифов,

бросающих целые народы и континенты во власть жестоких и коварных демагогов; гибель и вырождение от непредвидимых результатов быстрых изменений условий существования на планете.

Перед лицом опасности любое действие, увеличивающее разобщенность человечества, любая проповедь несовместимости мировых идеологий¹ и наций — безумие, преступление. Лишь всемирное сотрудничество в условиях интеллектуальной свободы, высоких нравственных идеалов социализма и труда, с устранением факторов догматизма и давления скрытых интересов господствующих классов отвечает интересам сохранения цивилизации.

Миллионы людей во всем мире стремятся покончить с нищетой, ненавидят угнетение, догматизм и демагогию (и их крайнее выражение — расизм, фашизм, сталинизм и маоизм), верят в прогресс на основе использования в условиях социальной справедливости и интеллектуальной свободы всего положительного опыта, накопленного человечеством.

2. Второй основной тезис: человеческому обществу необходима интеллектуальная свобода — свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитета и предрассудков. Такая тройная свобода мысли — единственная гарантия от заражения народа массовыми мифами, которые в руках коварных лицемеров-демагогов легко превращаются в кровавую диктатуру. Это — единственная гарантия осуществимости научно-демократического подхода к политике, экономике и культуре.

Но свобода мысли в современном обществе находится под тройной угрозой: со стороны рассчитанного опиума «массовой культуры», со стороны трусливой и эгоистической мещанской идеологии, со стороны окостенелого догматизма бюрократической олигархии и ее излюбленного оружия — идеологической цензуры. Поэтому свобода мысли нуждается в защите всех мыслящих и честных людей. Это задача не только интеллигенции, но и всех слоев общества, и в особенности наиболее активной и организованной его прослойки — рабочего класса. Мировые опасности войны, голода, культа, бюрократизма — это опасности для всего человечества. [...]

Эту брошюру мы разделили на две части. Первую озаглавим «Опасности», вторую — «Основа надежды».

Брошюра носит дискуссионный, спорный во многом характер и призывает дискутировать и спорить.

Опасности

Угроза термоядерной войны

¹ Читатель понимает, что при этом не идет речь об идеологическом мире с теми фанатичными, сектантскими и экстремистскими идеологиями, которые отрицают всякую возможность сближения с ними, дискуссии и компромисса, например с идеологиями фашистской, расистской, милитаристской или маоистской, демагогии.

Три технических аспекта термоядерного оружия сделали термоядерную войну угрозой самому существованию цивилизации. Это — огромная разрушительная сила термоядерного взрыва, относительная дешевизна ракетно-термоядерного оружия и практическая невозможность эффективной защиты от массированного ракетно-ядерного нападения.

На сегодня «типичным» термоядерным зарядом можно считать трехмегатонный (это нечто среднее между зарядом ракеты «Минитмен» и ракеты «Титан II»). Площадь зоны пожаров при взрыве такого заряда в 150 раз больше, а площадь зоны разрушения в 30 раз больше, чем у хиросимской бомбы. При взрыве одного такого заряда над городом на площади 100 кв. км возникает зона сплошного разрушения и огня, десятки миллионов квадратных метров жилой площади уничтожаются, не менее 1 млн. людей гибнут под обломками зданий, от огня и радиации, задыхаются в кирпичной пыли и в дыму, гибнут в заваленных убежищах. В случае наземного взрыва выпадение радиоактивной пыли создает опасность смертельного облучения на площади в десятки тысяч квадратных километров.

Теперь о стоимости и возможном числе взрывов.

После того, как пройдена стадия поисков и исследований, массовое производство термоядерного оружия и ракет-носителей оказывается не более сложным и дорогим, чем, например, производство военных самолетов, которые во время войны изготавливали десятками тысяч.

Сейчас годовое производство плутония во всем мире исчисляется десятками тысяч тонн. Если принять, что половина этой продукции идет на военные цели и что в одном заряде в среднем используется несколько килограммов плутония, становится очевидным, что уже сейчас накоплено достаточно зарядов для многократного уничтожения всего человечества.

Третьим техническим аспектом термоядерной опасности (наряду с мощностью и дешевизной зарядов) мы называем практическую неотразимость массированного ракетного нападения. Это обстоятельство хорошо известно специалистам; в научно-популярной литературе см., например, недавнюю статью Бете и Гарвина в журнале «Сайентифик америкэн» (№3 за 1968 г.).

Сейчас техника и тактика нападения далеко обогнали технику обороны, несмотря на создание очень маневренных и мощных противоракет с ядерными зарядами, несмотря на другие технические идеи (типа использования лазерного луча и т. п.).

Повышение стойкости зарядов к воздействию ударной волны, к радиационному воздействию нейтронного и рентгеновского облучения, возможность широкого использования относительно легких и дешевых «ложных целей», почти не отличимых от боевых зарядов и истощающих технические средства противоракетной обороны противника, совершенствование тактики массированных, концентрированных во времени и в пространстве ракетно-термоядерных атак, превышающих пропускную способность станций обнаружения и наведения и вычисления, использование орбитальных и настильных траекторий атаки, активных и пассивных помех и

ряд других пока не освещенных в печати приемов — все это поставило перед созданием эффективной противоракетной обороны технические и экономические препятствия, которые в настоящее время практически непреодолимы².

Исключением является случай очень большого различия технико-экономических потенциалов двух противостоящих друг другу противников. В этом случае более сильная сторона, создав систему противоракетной обороны с многократным запасом прочности, имеет соблазн попытаться навсегда избавиться от опасного неустойчивого равновесия — пойти на превентивную авантюру, затратив часть своего потенциала атаки на уничтожение большей части ракетных стартовых позиций противника и рассчитывая на безнаказанность на последней ступени эскалации, то есть при уничтожении городов и промышленности противника.

К счастью для стабильности мира, различие технико-экономических потенциалов СССР и США не настолько велико, чтобы для одной из этих сторон такая «превентивная агрессия» не была бы связана с почти неминуемым риском ответного сокрушительного удара, и это положение не изменится при расширении гонки вооружений на строительство систем ПРО. По мнению многих, разделяемому автором, дипломатическое оформление этой взаимопонимаемой ситуации (например, в виде договора о моратории строительства ПРО) было бы полезной демонстрацией желания США и СССР сохранить статус-кво и не расширять гонку вооружений на безумно дорогие противоракетные системы, демонстрацией желания сотрудничать, а не воевать.

Термоядерная война не может рассматриваться как продолжение политики военными средствами (по формуле Клаузевица), а является средством всемирного самоубийства³.

Полное уничтожение городов, промышленности, транспорта, системы образования, отравление полей, воды и воздуха радиоактивностью, физическое уничтожение большей части человечества, нищета, варварство, одичание и генетическое вырождение под действием радиации оставшейся части, уничтожение материальной и информационной базы цивилизации – вот мера опасности, перед которой ставит мир разобщенность двух мировых сверхсил.

² Опыт прошлых войн дал множество примеров того, что первое применение нового технического или тактического приема нападения обычно оказывалось очень эффективным даже в том случае, если вскоре удавалось найти простое противоядие. Но в случае термоядерной войны уже первое применение может оказаться решающим и свести на нет многолетние работы и многомиллиардные расходы по созданию ПРО (противоракетной обороны).

³ Существуют два направления попыток вернуть термоядерной войне в глазах общественного мнения «обычный» политический характер. Это, во-первых, концепция «бумажного тигра», концепция безответственных маоистских авантюристов. Во-вторых, это выработанная научно-милитаристскими кругами США стратегическая доктрина эскалации. Не преуменьшая всей серьезности вызова, заключенного в этой доктрине, ограничимся здесь замечанием, что реальным противовесом этой доктрины является политическая стратегия мирного сосуществования.

Каждое разумное существо, оказавшись на краю пропасти, сначала старается отойти от этого края, а уж потом думает об удовлетворении всех остальных потребностей. **Для человечества отойти от края пропасти — это значит преодолеть разобщенность.**

Необходимый шаг на этом пути — пересмотр традиционного метода в международной политике, который можно назвать «эмпирико-конъюнктурным». Попросту, — это метод максимального улучшения своих позиций всюду, где это возможно, и одновременно метод максимальных неприятностей противостоящим силам без учета общего блага и общих интересов.[...]

По нашему мнению, необходимо внести определенные изменения в самые принципы проведения международной политики, последовательно подчинив все конкретные цели и местные задачи основной задаче **активного предупреждения** обострения международной обстановки, активно проводить и углублять до уровня сотрудничества политику мирного сосуществования, планировать политику таким образом, чтобы ее ближайшие и отдаленные последствия не обостряли международную обстановку, не вызывали бы ни у одной стороны **таких** трудностей, которые могут вызвать усиление сил реакции, милитаризма, национализма, фашизма, реваншизма.

Международная политика должна быть всецело пропитана научной методологией и демократическим духом, со стремлением к бесстрашному учету всех фактов, взглядов и теорий, с максимальной гласностью точно сформулированных главных и промежуточных целей, с принципиальной последовательностью.

Международная политика двух ведущих мировых сверх-сил (США и СССР) должна основываться на повсеместном применении единых общих принципов, которые в первом приближении мы бы сформулировали следующим образом:

- 1) Все народы имеют право решать свою судьбу свободным волеизъявлением. Это право гарантируется международным контролем над соблюдением всеми правительствами Декларации прав человека. Международный контроль предполагает как применение экономических санкций, так и использование вооруженных сил ООН для защиты прав человека.
- 2) Все военные и военно-экономические формы экспорта контрреволюции и революции являются незаконными и приравниваются к агрессии.
- 3) Все страны стремятся к взаимопомощи в экономических, культурных и общеорганизационных проблемах в целях безболезненного устранения внутренних и международных трудностей, для предупреждения обострения международной напряженности и усиления сил реакции.
- 4) Международная политика не преследует целей использования местных конкретных условий для расширения зоны влияния и для создания трудностей другой стране. Цель международной политики — обеспечить повсеместное выполнение Декларации прав человека,

предупредить обострение международной обстановки, усиление тенденции милитаризма и национализма. [...]

Угроза голода

Специалисты обращают внимание на возрастающую угрозу всеобщего голода в «более бедной» половине земного шара. Хотя на всей планете за последние 30 лет возрастание населения на 50% сопровождалось увеличением производства продовольствия на 70%, но в бедной половине баланс был неблагоприятным. Реальное положение в Индии, Индонезии, в ряде стран Латинской Америки и в огромном числе других слаборазвитых стран — отсутствие технико-экономических резервов, деловых кадров и культурных навыков, социальная отсталость, высокий уровень рождаемости; все это систематически ухудшает пищевой баланс и несомненно будет продолжать ухудшать его в ближайшие годы. Спасением было бы широкое применение удобрений, улучшение системы орошения, улучшение агротехники, более широкое использование ресурсов океана, постепенное освоение технически вполне возможных уже сейчас методов производства синтетической пищи (в первую очередь аминокислот). Однако это все хорошо для «богатых». [...]

Речь идет о таком прогнозируемом из анализа существующих тенденций обострения «среднего» продовольственного баланса, при котором местные, локализованные в пространстве и времени, продовольственные кризисы сливаются в сплошное море голода, невыносимых страданий и отчаяния, горя, гибели и ярости сотен миллионов людей. Это — трагическая угроза всему человечеству. Катастрофа такого масштаба не может не иметь самых глубоких последствий во всем мире, для каждого человека, вызовет волны войн и озлобления, общий упадок уровня жизни во всем мире, наложит трагический, цинический и антикоммунистический отпечаток на жизнь последующих поколений.

Первая реакция обывателя, когда он узнает о существовании проблемы: «они» сами виноваты, почему «они» так сильно размножаются? Несомненно, ограничение избыточной рождаемости очень важно, и общественность, например в Индии, принимает ряд мер в этом направлении; но эти меры остаются пока почти безрезультатными в условиях социальной и экономической отсталости, при наличии устойчивых традиций многодетности, в результате отсутствия страхования от старости, высокой детской смертности в совсем недавнем прошлом и непрерывной угрозы голодной смерти в будущем и других причин. Очевидно, бесполезно только призывать более отсталые страны ограничить рождаемость — необходимо в первую очередь помочь им экономически и технически, причем эта помощь должна быть такого масштаба, такого бескорыстия и широты, которые совершенно невозможны, пока не ликвидирована мировая разобщенность, эгоистический, мещанский подход к отношению между нациями и расами, пока две великие мировые сверхсилы — СССР и США — противостоят друг другу как соперники или даже противники.

Социальные факторы играют важную роль в трагическом положении и еще более трагическом будущем «бедных» районов. Но надо ясно понимать, что если угроза голода является, наряду со стремлением к национальному освобождению, главной причиной «аграрной» революции, то сама по себе «аграрная» революция не устраняет угрозы голода (во всяком случае в ближайшем будущем). В сложившемся положении угроза голода не может быть устранена достаточно быстро без помощи развитых стран, и это потребует значительного изменения их внешней и внутренней политики.

[...] По мнению автора, необходим своеобразный «налог» на развитые страны в сумме порядка 20% их национального дохода на протяжении примерно 15 лет. Введение такого «налога» приведет автоматически к значительному уменьшению расходов на вооружение. Очень существенно влияние такой совместной помощи на стабилизацию и оздоровление положения в самых слаборазвитых странах, на ограничение влияния экстремистов всех типов.

При изменении экономического положения слаборазвитых стран проблема избыточной рождаемости разрешится относительно безболезненно, без варварских методов стерилизации, как это показывает опыт развитых стран. Все же определенные изменения в политике, представлениях и традициях в этом «деликатном» вопросе неизбежны и в развитых странах. Человечество может безболезненно развиваться, только рассматривая себя в демографическом смысле как единое целое, как одна семья, без разделения на нации в каком-либо ином смысле, кроме истории и традиций.

Поэтому в политике правительства, в законодательстве о семье и браке, в пропаганде нельзя поощрять увеличение рождаемости в развитых странах и одновременно требовать ее ограничения в странах менее развитых, получающих помощь. Ничего, кроме озлобления и национализма, такая двойная игра не вызовет.

В заключение я хочу подчеркнуть, что вопрос о регулировке рождаемости является очень «многоплановым», и его стандартное, догматическое решение «на все времена и народы» было бы неправильным. В частности, и все вышесказанное должно восприниматься с оговорками, как некоторое упрощение.

Проблема геогигиены

Мы живем в быстро меняющемся мире. Промышленное и гидротехническое строительство, лесозаготовки, распашка целинных земель, применение ядохимикатов — это все неконтролируемым, стихийным образом меняет облик Земли, нашу «среду обитания». Научное изучение всех взаимосвязей в природе и последствий нашего вмешательства явно отстает от темпов происходящих изменений. В воздух и воду выбрасывается огромное количество вредных отходов промышленности и транспорта, в том числе канцерогенных. Не будет ли перейден «предел безопасности» повсеместно, как это уже имеет место в ряде мест? Углекислота от сжигания угля меняет теплоотражательные свойства атмосферы. Рано или поздно это примет

опасные масштабы. Но мы не знаем — когда. Ядохимикаты, применяемые в сельском хозяйстве для борьбы с вредителями, проникают в тело человека и животных как непосредственно, так и в виде ряда видоизмененных, еще более опасных соединений, оказывают очень вредное влияние на мозг, нервную систему, кровеносные органы, печень и другие органы. Тут тоже нетрудно перейти предел, но вопрос не изучен, и очень сложно управлять всеми этими процессами.

Применение антибиотиков в птицеводстве способствует выработке новых форм болезнетворных микробов, устойчивых к антибиотикам.

Я мог бы упомянуть о проблеме сброса моющих веществ и радиоактивных отходов, об эрозии и засолении почвы, о затоплении лугов, о вырубке лесов на горных склонах и лесов водоохранного значения, о гибели птиц и таких полезных животных, как жабы и лягушки, о многих других примерах неразумного хищничества, вызванных приматом местных, временных, ведомственных и эгоистических интересов, а иногда и просто вопросами ведомственного престижа, как это имело место в печально знаменитой проблеме Байкала. Проблемы геогиены очень сложны и многообразны, очень тесно переплетаются с экономическими и социальными проблемами. Их полное решение в национальном и тем более местном масштабе поэтому невозможно. Спасение нашей внешней среды обитания настоятельно требует преодоления разобщенности и давления временного, местного интереса. Иначе СССР отравит США своими отходами, а США отравят СССР своими. Пока это — гипербола, но при возрастании количества отходов на 10% ежегодно за 100 лет общее возрастание достигнет 20 тыс. раз.

Угроза расизма, национализма, милитаризма и диктаторских режимов

Крайним выражением опасностей современного общественного развития является развитие расизма, национализма и милитаризма и в особенности возникновение демагогических, лицемерных и чудовищно жестоких полицейских, диктаторских режимов. В первую очередь это — режим Сталина, Гитлера и Мао Цзэдуна, а также ряд крайне реакционных режимов в меньших странах (Испания, Португалия, ЮАР, Греция, Албания, Гаити и ряд латиноамериканских стран).

Истоками всех этих трагических явлений всегда была борьба эгоистических групповых интересов, борьба за неограниченную власть, подавление интеллектуальной свободы, распространение в народе массовых эмоциональных и интеллектуально-упрощенных, удобных мещанину мифов (миф расы, земли и крови, миф о еврейской опасности, антиинтеллектуализм, концепция «жизненного пространства» в Германии, миф об усилении классовой борьбы и о пролетарской непогрешимости, дополненный культом Сталина и преувеличением противоречий с капиталистическими странами в СССР, миф о Мао Цзэдуне, крайний китайский национализм и воскрешение концепции «жизненного пространства», антиинтеллектуализм, крайний антигуманизм, определенные предрассудки крестьянского социализма в Китае).

Обычная практика — преимущественное использование демагогии штурмовиков и хунвэйбинов на первом этапе и террористической бюрократии надежных «кадров» типа Эйхмана, Гимmlера, Ежова и Берии на вершине обожествления неограниченной власти. Мир никогда не забудет костров из книг на площадях немецких городов, истерических, людоедских речей фашистских «вождей» и их еще более людоедских тайных планов уничтожения и порабощения целых народов, в том числе русского. Фашизм начал частичную реализацию этих планов во время развязанной им войны, уничтожая военнопленных и заложников, сжигая деревни, осуществляя преступнейшую политику геноцида (на период войны центральный удар геноцида был направлен по евреям, что, по-видимому, имело также определенный провокационный смысл, в частности на Украине и в Польше).

Мы никогда не забудем многокилометровые рвы, наполненные трупами, душегубки и газовые камеры, эсэсовских овчарок и врачей-изуверов, прессованные кипы женских волос, чемоданы с золотыми зубами и удобрения в качестве «продукции» фабрик смерти.

Анализируя причины прихода Гитлера к власти, мы не забываем о роли немецкого и международного монополистического капитала, не забываем также о преступно-сектантской, догматической, ограниченной политике Сталина и его соратников, натравивших друг на друга социалистов и коммунистов (об этом хорошо рассказано в известном письме Э. Генри И. Эренбургу).

Фашизм в Германии просуществовал 12 лет, сталинизм в СССР — вдвое дольше. При очень многих общих чертах есть и определенные различия. Это — гораздо более изощренный заряд лицемерия и демагогии, опора не на откровенно людоедскую программу, как у Гитлера, а на прогрессивную, научную и популярную среди трудящихся социалистическую идеологию, которая явилась очень удобной ширмой для обмана рабочего класса, для усыпления бдительности интеллигенции и соперников в борьбе за власть, с коварным и внезапным использованием механизма цепной реакции пыток, казней и доносов, с запугиванием и оболваниванием миллионов людей, в большинстве совсем не трусов и не дураков. Эта «специфика» сталинизма имела одним из своих следствий то, что самый страшный удар был нанесен против советского народа, его наиболее активных, способных и честных представителей. Не менее 10–15 млн. советских людей погибли в застенках НКВД от пыток и казней, в лагерях для ссыльных кулаков и так называемых «подкулачников» и членов их семей, в лагерях «без права переписки» (это были фактически прообразы фашистских лагерей смерти, где практиковались, например, массовые расстрелы тысяч заключенных из пулеметов при «перенаселенности» лагерей или получении «специальных указаний»), в холодных шахтах Норильска и Воркуты от холода, голода и непосильного труда на бесчисленных стройках, лесозаготовках, каналах, просто на перевозках в заколоченных вагонах и затопленных трюмах «кораблей смерти» Охотского моря, при пересылке целых народов — крымских татар, немцев Поволжья, калмыков, многих других народов.

Сменялись помощники (Ягода, Молотов, Ежов, Жданов, Маленков, Берия), но антинародный режим Сталина оставался все таким же свирепым и в то же время догматически ограниченным, слепым в своей жестокости. Уничтожение военных и инженерных кадров перед войной, слепая вера в разумность собрата по преступлениям — Гитлера и другие истоки национальной трагедии 1941 года, хорошо освещенные в книге Некрича⁴, в записках генерал-майора Григоренко и в ряде других публикаций, — это далеко не единственный пример этого сочетания преступлений и преступной ограниченности, недалёковидности.

Сталинский догматизм и отрыв от реальной жизни особенно проявился в деревне — в политике безудержной эксплуатации деревни — грабительскими заготовками по «символическим» ценам, с почти крепостным закабалением крестьянства, с лишением колхозников права владения основными средствами механизации, с назначением председателей колхозов по признаку угодливости и изворотливости. Результат налицо — глубочайшее и трудно поправимое разрушение экономики и всего уклада жизни в деревне, которое по «закону сообщающихся сосудов» подрывало также и промышленность.

Антинародный характер сталинизма ярко проявился в репрессиях военнопленных, выживших в фашистском плену и угодивших в сталинские лагеря, в антирабочих «указах», в преступном переселении целых народов, обрекая их на медленное вымирание, в свойственном сталинской бюрократии и НКВД (и лично Сталину) мещанско-зоологическом антисемитизме, в драконовских законах по охране социалистической собственности (пять лет за «колоски» и т. д.), которые фактически служили главным образом одним из средств удовлетворения спроса на «рынки рабов», в свойственной Сталину украинофобии и т. п. [...]

Автор очень хорошо понимает, какие уродливые явления в области человеческих и международных отношений рождает эгоистический принцип капитала, когда он не испытывает давления социалистических, прогрессивных сил; он думает, однако, что прогрессивные люди на Западе понимают это лучше его и ведут борьбу с этими проявлениями. Автор концентрирует внимание на том, что у него перед глазами и что мешает, с его точки зрения, общемировым задачам преодоления разобщенности, борьбе за демократию, социальный прогресс и интеллектуальную свободу.

Сейчас наша страна вступила на путь самоочистки от скверны «сталинизма». Мы «по капле выдавливаем из себя раба» (выражение А. П. Чехова), научаемся выражать свое мнение, не глядя в рот начальству и не боясь за собственную жизнь.

Начало этого трудного и далеко не прямолинейного пути, по-видимому, следует датировать докладом Н. С. Хрущёва на XX съезде КПСС; это смелое, неожиданное для бывших сообщников Сталина по преступлениям выступление и ряд сопутствующих мероприятий — освобождение сотен тысяч политзаключенных и их реабилитация, шаги по восстановлению принципов

⁴ Некрич А. «1941. 22 июня», М., 1965

мирного сосуществования, шаги по воссозданию демократии — все это заставляет нас очень высоко оценить историческую роль Н. С. Хрущёва, несмотря на ряд допущенных им в последующие годы досадных ошибок волюнтаристского характера и несмотря на то, что при жизни Сталина Хрущёв, конечно, являлся одним из соучастников его преступлений, занимая ряд достаточно крупных постов.

Разоблачению сталинизма в нашей стране далеко до окончания. Конечно, абсолютно необходимо опубликование всех имеющихся достоверных материалов (в том числе архивов НКВД), проведение всенародного расследования. Для международного авторитета КПСС и идей социализма было бы весьма целесообразно намечавшееся в 1964 году, но «почему-то» отмененное символическое исключение из КПСС Сталина — убийцы миллионов ее членов и политическая реабилитация жертв сталинизма. [...]

Угроза интеллектуальной свободе

Угроза независимости и ценности человеческой личности, угроза смыслу человеческой жизни.

Ничто так не угрожает свободе личности и смыслу жизни, как война, нищета, террор. Однако существуют и очень серьезные косвенные, лишь немногим более отдаленные опасности. Одна из этих опасностей — оболванивание человека («серой массы», по циничному определению буржуазной футурологии) «массовой культурой» с намерением или коммерчески обусловленным снижением интеллектуального уровня и проблемное, с упором на развлекательность или утилитарность, с тщательно охранительным цензурированием.

Другой пример связан с проблемами образования. Система образования, находящаяся под государственным контролем, отделение школы от церкви, всеобщее бесплатное обучение — все это величайшее достижение социального прогресса. Но все имеет свою оборотную сторону: в данном случае это излишняя унификация, которая распространяется и на само преподавание, и на программы, в особенности по таким предметам, как литература, история, обществоведение, география, и на систему экзаменов. Нельзя не видеть опасности в излишней апелляции к авторитетам, в определенном сужении рамок дискуссий и интеллектуальной смелости выводов в том возрасте, когда происходит формирование убеждений. В старом Китае система экзаменов на должность приводила к умственному застою, к канонизации реакционных сторон конфуцианства. Очень нежелательно иметь что-либо подобное в современном обществе.

Современная техника и массовая психология дают все новые возможности управления установочными критериями, поведением, стремлениями и убеждениями людских масс. Это не только управление через информацию с учетом теории рекламы и массовой психологии, но и более технические методы, о которых много пишут в зарубежной печати. Примеры — систематический контроль рождаемости, биохимическое управление психическими процессами, радиоэлектронный контроль психических

процессов. С моей точки зрения, мы не можем полностью отказаться от новых методов, нельзя наложить принципиальный запрет на развитие науки и техники, но мы должны ясно понимать страшную опасность основным человеческим ценностям, самому смыслу жизни, которая скрывается в злоупотреблении техническими и биохимическими методами и методами массовой психологии. Человек не должен превратиться в курицу или крысу в известных опытах, испытывающую электронное наслаждение от вделанных в мозг электродов. Сюда примыкает также вопрос о возрастающем использовании успокаивающих и веселящих средств, разрешенных и неразрешенных наркотиков и тому подобное.

Нельзя забывать также о вполне реальной опасности, о которой пишет Винер в своей книге «Кибернетика», — об отсутствии у кибернетической техники устойчивых человеческих установочных критериев. Соблазнительное беспрецедентное могущество, которое дает человечеству (или, еще хуже, той или иной группировке разделенного человечества) использование мудрых советов будущих интеллектуальных помощников — искусственных «думающих» автоматов, может обернуться, как подчеркивает Винер, роковой ловушкой: советы могут оказаться непостижимо коварными, преследующими не человеческие цели, а цели решения абстрактных, непредусмотренно трансформировавшихся в искусственном мозгу задач. Такая опасность станет вполне реальной через несколько десятилетий, если человеческие ценности, и в первую очередь свобода мысли, не будут подкреплены в этот период, если не будет ликвидирована разобщенность.

Вернемся к опасностям и требованиям сегодняшнего дня, к необходимости интеллектуальной свободы, которая дает народу и интеллигенции возможность контроля и общественной экспертизы всех действий, намерений и решений правящей группировки. [...]

Основа надежды

[...] В заключение я суммирую некоторые конкретные предложения разной степени важности, которые обсуждались в тексте. Эти предложения, обращенные к руководству нашей страны, не исчерпывают содержания статьи.

1. Необходимо всемерно углублять стратегию мирного сосуществования и сотрудничества. Разработать научные методы и принципы международной политики, основанные на научном предвидении отдаленных и ближайших последствий.
2. Проявить инициативу в разработке широкой программы борьбы с голодом.
3. Необходимо разработать, широко обсудить и принять «Закон о печати и информации», преследующий цели не только ликвидировать безответственную идеологическую цензуру, но и всемерно поощрять самоизучение в нашем обществе, поощрять дух бесстрашного обсуждения и поисков истины. Закон должен предусмотреть материальные ресурсы свободы мысли.

4. Необходимо отменить все антиконституционные законы и указания, нарушающие «права человека».
5. Необходимо амнистировать политических заключенных, а также пересмотреть ряд имевших в последнее время политических процессов [...]. Немедленно облегчить лагерный режим для политических заключенных.
6. Необходимо довести до конца — до полной правды, а не до взвешенной на весах кастовой целесообразности полуправды — разоблачение сталинизма. [...]
7. Необходимо всемерно углублять экономическую реформу, расширять сферу эксперимента и делать все выводы из его результатов.
8. Необходимо принять, после широкого научного обсуждения, «Закон о геогигиене», который впоследствии должен слиться с мировыми усилиями в этой области.

Мир через полвека (1974)

Статья написана по заказу американского журнала «Сатердей ревью».

Сильные и противоречивые чувства охватывают каждого, кто задумывается о будущем мира через 50 лет, — о том будущем, в котором будут жить наши внуки и правнуки. Эти чувства — удрученность и ужас перед клубком трагических опасностей и трудностей безмерно сложного будущего человечества, но одновременно надежда на силу разума и человечности в душах миллиардов людей, которая только одна может противостоять надвигающемуся хаосу. Это также восхищение и живейшая заинтересованность, вызываемые многосторонним и неудержимым научно-техническим прогрессом современности.

Что определяет будущее?

По почти всеобщему мнению, из числа факторов, которые определяют облик мира в ближайшие десятилетия, бесспорными и несомненными являются:

- рост населения (к 2024 г. более 7 млрд. человек на планете⁵);
- истощение природных ресурсов — нефти, природного плодородия почвы, чистой воды и т. п.;
- серьезное нарушение природного равновесия и среды обитания человека.

Эти три бесспорных фактора создают удручающий фон для любых прогнозов. Но столь же бесспорен и весом еще один фактор — научно-технический прогресс, который накапливал «разбег» на протяжении тысячелетий развития цивилизации и только теперь начинает полностью выявлять свои блистательные возможности.

⁵ Этот прогноз был достигнут уже в 2018 году

Я глубоко убежден, однако, что огромные материальные перспективы, которые заключены в научно-техническом прогрессе, при всей их исключительной важности и необходимости, не решают все же судьбы человечества сами по себе. Научно-технический прогресс не принесет счастья, если не будет дополняться чрезвычайно глубокими изменениями в социальной, нравственной и культурной жизни человечества. Внутреннюю духовную жизнь людей, внутренние импульсы их активности трудней всего прогнозировать, но именно от этого зависит в конечном итоге и гибель, и спасение цивилизации.

Самое главное неизвестное в наших прогнозах — это возможность гибели цивилизации и самого человечества в огне большой термоядерной войны. До тех пор, пока существуют термоядерно-ракетное оружие и враждующие, полные недоверия государства и группы государств, эта страшная опасность является самой жестокой реальностью современности.

Но, избегнув большой войны, человечество все же может погибнуть, истощив свои силы в «малых» войнах, в межнациональных и межгосударственных конфликтах, от соперничества и отсутствия согласованности в экономической сфере, в охране среды, в регулировании прироста населения, от политического авантюризма.

Человечеству угрожает упадок личной и государственной морали, проявляющийся уже сейчас в глубоком распаде во многих странах основных идеалов права и законности, в потребительском эгоизме, во всеобщем росте уголовных тенденций, в ставшем международным бедствием националистическом и политическом терроризме, в разрушительном распространении алкоголизма и наркомании. В разных странах причины этих явлений несколько различны. Все же мне кажется, что наиболее глубокая, первичная причина лежит во внутренней бездуховности, при которой личная мораль и ответственность человека вытесняются и подавляются абстрактным и бесчеловечным **по своей сущности, отчужденным от личности авторитетом** (государственным или классовым, или партийным, или авторитетом вождя — это все не более, чем варианты одной и той же беды).

При современном состоянии мира, когда имеется огромный и имеющий тенденцию увеличиваться разрыв в экономическом развитии различных стран, когда налицо разделение мира на противостоящие друг другу группы государств, — все опасности, угрожающие человечеству, в колоссальной степени увеличиваются.

Значительная доля ответственности за это ложится на социалистические страны. Я должен тут об этом сказать, так как на меня, как на гражданина влиятельнейшего из социалистических государств, тоже ложится своя часть этой ответственности. Партийно-государственная монополия во всех областях экономической, политической, идеологической и культурной жизни; неизжитый груз скрываемых кровавых преступлений недавнего прошлого; перманентное подавление инакомыслия; лицемерно самовосхваляющая, догматическая и часто националистическая идеология; закрытость этих обществ, препятствующих свободным контактам их граждан с гражданами любых других стран; формирование в них эгоистического, безнравственного,

самодовольного и лицемерного правящего бюрократического класса — все это создает ситуацию не только неблагоприятную для населения этих стран, но и опасную для всего человечества. Население этих стран в значительной степени унифицировано в своих стремлениях пропагандой и некоторыми несомненными успехами, частично развращено приманками конформизма, но в то же время оно страдает и раздражено из-за постоянного отставания от Запада и реальных возможностей в материальном и социальном прогрессе. Бюрократическое руководство по своей природе не только неэффективно в решении текущих задач прогресса, оно еще, кроме того, всегда сосредоточено на сиюминутных, узкогрупповых интересах, на ближайшем докладе начальству. Такое руководство плохо способно на деле заботиться об интересах будущих поколений (например, об охране среды), а главным образом может лишь говорить об этом в парадных речах.

Что противостоит (или может противостоять, должно противостоять) разрушительным тенденциям современной жизни? Я считаю особенно важным преодоление распада мира на антагонистические группы государств, процесс сближения (конвергенции) социалистической и капиталистической систем, сопровождающийся демилитаризацией, укреплением международного доверия, защитой человеческих прав, закона и свободы, глубоким социальным прогрессом и демократизацией, укреплением нравственного, духовного личного начала в человеке.

Я предполагаю, что экономический строй, возникший в результате этого процесса сближения, должен представлять собой экономику смешанного типа, соединяющую в себе максимум гибкости, свободы, социальных достижений и возможностей общемирового регулирования.

Очень большой должна быть роль международных организаций — ООН, ЮНЕСКО и др., в которых я хотел бы видеть зачаток мирового правительства, чуждого каких-либо целей, кроме общечеловеческих.

Но необходимо как можно скорей осуществить существенные промежуточные, возможные уже сейчас шаги. По моему мнению, это должно быть расширение деятельности по экономической и культурной помощи развивающимся странам, в особенности помощи в решении продовольственных проблем и в создании экономически активного, духовно здорового общества; это создание международных консультативных органов, следящих за соблюдением прав человека в каждой стране и за сохранением среды. И самое простое, насущное — повсеместное прекращение таких недопустимых явлений, как любые формы преследования инакомыслия; повсеместный допуск уже существующих международных организаций (Красного Креста, Всемирной организации здравоохранения, «Эмнести интернешнл» и др.) туда, где можно предполагать нарушения прав человека, в первую очередь в места заключения и психиатрические тюрьмы; демократическое решение проблемы свободы перемещения по планете (эмиграции, реэмиграции, личных поездок). [...]

Я хочу еще раз подчеркнуть, что борьба за права человека — это и есть реальная сегодняшняя борьба за мир и будущее человечества. Именно поэтому я считаю, что основой деятельности всех международных организаций должна

статье Всеобщая декларация прав человека, в том числе основой деятельности провозгласившей ее 25 лет назад Организации Объединенных Наций.

Гипотезы о техническом облике будущего

Во второй части статьи я изложу некоторые футурологические гипотезы, в основном научно-технического характера. Большинство из них уже публиковалось в той или иной форме, и я не выступаю тут ни как автор, ни как эксперт. Моя цель другая — попытаться набросать общую картину технических аспектов будущего. Естественно, что эта картина является весьма гипотетической и субъективной, а местами условно-фантастической. Я не считал себя при этом слишком связанным датой 2024 года, то есть писал не о сроках, а о возможных, по моему мнению, тенденциях. Предсказатели недавнего прошлого чаще всего завышали сроки своих прогнозов, но для современных футурологов нельзя исключить и обратной ошибки.

Я предполагаю постепенное (далеко не завершённое к 2024 г.) выделение из перенаселенного, плохо приспособленного для жизни людей и сохранения природы индустриального мира двух типов территорий. Назову их условно: «Рабочая территория» (РТ) и «Заповедная территория» (ЗТ). Большая по площади «Заповедная территория» предназначена для поддержания природного равновесия на Земле, для отдыха людей и активного восстановления равновесия в самом человеке. На «Рабочей территории» (меньшей по площади и с гораздо большей средней плотностью населения) люди проводят большую часть своего времени, ведется интенсивное сельское хозяйство, природа полностью преобразована для практических нужд, сосредоточена вся промышленность с гигантскими автоматическими и полуавтоматическими заводами, почти все люди живут в «сверхгородах», в центральной части которых многоэтажные дома-горы с обстановкой искусственного комфорта — искусственного климата, освещения, автоматизированных кухонь, топографических стен-пейзажей и т. п. Однако большую часть этих городов составляют пригороды, растянувшиеся на десятки километров. Я рисую себе эти пригороды будущего по образцу наиболее благополучных сейчас стран — застроенными семейными домиками-коттеджами с садами, огородиками, детскими учреждениями, спортплощадками, купальными бассейнами, со всеми предприятиями быта и современным городским комфортом, с бесшумным и удобным общественным транспортом, с чистым воздухом, с кустарным и художественным производством, со свободной и разнообразной культурной жизнью.

Несмотря на довольно высокую среднюю плотность населения, жизнь в РТ при разумном решении социальных и межгосударственных проблем может быть ничуть не менее здоровой, естественной и счастливой, чем жизнь человека из средних классов в современных развитых странах, то есть гораздо более здоровой, чем это доступно подавляющему большинству наших

современников. Но у человека будущего, как я надеюсь, будет возможность часть своего времени, хотя и меньшую, проводить в еще более «естественных» условиях ЗТ. Я предполагаю, что в ЗТ люди тоже живут жизнью, имеющей реальную общественную цель, — они не только отдыхают, но и трудятся руками и головой, читают книги, размышляют. Они живут в палатках или в домах, построенных ими, как дома их предков. Они слышат шум горного ручья или просто наслаждаются тишиной, красотой дикой природы, лесов, неба и облаков. Основная их работа — помочь сохранению природы и сохранению самих себя.

Условный числовой пример. Площадь РТ — 30 млн. кв. км, средняя плотность населения — 300 человек на 1 кв. км. Площадь ЗТ — 80 млн. кв. км, средняя плотность населения — 25 человек на 1 кв. км. Общее население Земли — 11 млрд. человек, люди около 20% своего времени могут проводить в ЗТ. Естественным расширением РТ явятся «летающие города» — искусственные спутники Земли, выполняющие важные производственные функции. На них сосредоточена гелио-энергетика, возможно, значительная часть ядерных и термоядерных установок с лучистым охлаждением энергетических холодильников, что даст возможность избежать теплового перегрева Земли; это предприятия вакуумной металлургии, парникового хозяйства и т. п.; это космические научные лаборатории, промежуточные станции для дальних полетов. Как под РТ, так и под ЗТ — широкое развитие подземных городов — для сна, развлечений, для обслуживания подземного транспорта и добычи полезных ископаемых. Я предполагаю индустриализацию, механизацию и интенсификацию земледелия (в особенности в РТ) не только с самым широким использованием классических типов удобрений, но и с постепенным созданием искусственной сверхпродуктивной почвы, с повсеместным применением обильного орошения, в северных районах — широчайшее развитие парникового хозяйства с использованием подсветки, подогрева почвы, электрофореза, возможно, и других физических методов воздействия. Конечно, сохранится и даже усилится первостепенная, решающая роль генетики и селекции. Таким образом, «зеленая революция» последних десятилетий должна продолжаться и развиваться. Возникнут также новые формы земледелия — морское, бактериальное, микроводорослевое, грибное и т. п. Поверхность океанов, Антарктиды, а в дальнейшем, возможно, Луны и планет будет постепенно втягиваться в орбиту земледелия.

Сейчас очень острой проблемой в области питания является белковый голод, от которого страдают многие сотни миллионов людей. Решение этой проблемы за счет расширения объема животноводства в перспективе невозможно, так как уже сейчас производство кормов поглощает около 50% продукции земледелия. Более того, многие факторы, и в том числе задачи сохранения среды, толкают на сокращение животноводства. Я предполагаю, что в течение ближайших десятилетий будет создана мощная промышленность производства заменителей животного белка, в частности производства искусственных аминокислот, главным образом для обогащения продуктов растительного происхождения, что приведет к резкому сокращению животноводства.

Почти столь же радикальные изменения должны произойти в промышленности, энергетике и быте. В первую очередь, задачи сохранения среды обитания диктуют повсеместный переход на замкнутый по отходам цикл, с полным отсутствием вредных и засоряющих отходов. Гигантские технические и экономические проблемы, связанные с таким переходом, могут быть решены лишь в международном масштабе (так же как проблемы перестройки сельского хозяйства, демографические проблемы и т. п.).

Другой чертой промышленности, как и всего общества будущего, будет гораздо более широкое, чем сейчас, использование кибернетической техники.

Я предполагаю, что параллельное развитие полупроводниковой, магнитной, электронно-вакуумной, фотоэлектронной, лазерной, криотронной, газодинамической и иной кибернетической техники приведет к огромному возрастанию ее потенциальных и экономическо-технических возможностей.

В области промышленности можно предполагать большую степень автоматизации и гибкости, «перестраиваемости» производства — в зависимости от спроса и потребностей общества в целом. Такая перестраиваемость промышленности будет иметь далеко идущие социальные последствия. В идеале можно думать, в частности, о преодолении социально-вредных и пагубных для сохранения ресурсов и среды явлений искусственной стимуляции «сверхспроса», которые сейчас имеют место в развитых странах и частично связаны с консерватизмом массового производства.

В бытовой технике все большую роль будут играть простейшие автоматы.

Но особенную роль будет играть прогресс в области связи и информационной службы.

Одним из первых этапов этого прогресса представляется создание единой всемирной телефонной и видеотелефонной системы связи. В перспективе, быть может, позднее, чем через 50 лет, я предполагаю создание всемирной информационной системы (ВИС), которая и сделает доступным для каждого в любую минуту содержание любой книги, когда-либо и где-либо опубликованной, содержание любой статьи, получение любой справки. ВИС должна включать индивидуальные миниатюрные запросные приемники-передатчики, диспетчерские пункты, управляющие потоками информации, каналы связи, включающие тысячи искусственных спутников связи, кабельные и лазерные линии. Даже частичное осуществление ВИС окажет глубокое воздействие на жизнь каждого человека, на его досуг, на его интеллектуальное и художественное развитие. В отличие от телевизора, который является главным источником информации многих из наших современников, ВИС будет предоставлять каждому максимальную свободу в выборе информации и требовать индивидуальной активности.

Но поистине историческая роль ВИС будет в том, что окончательно исчезнут все барьеры обмена информацией между странами и людьми. Полная доступность информации, в особенности распространенная на произведения искусства, несет в себе опасность их обесценивания. Но я верю, что это противоречие будет как-то преодолено. Искусство и его восприятие всегда настолько индивидуальны, что ценность личного общения с произведением и артистом сохранится. Также сохранит свое значение книга, личная библиотека

— именно потому, что они несут в себе результат личного индивидуального выбора, и в силу их красоты и традиционности в хорошем смысле этого слова. Общение с искусством и с книгой навсегда останется праздником.

Об энергетике. Я уверен, что в течение 50 лет сохранится и даже возрастет значение энергетики, основанной на сжигании угля на гигантских электростанциях с полным поглощением вредных отходов. В то же время, несомненно, огромное развитие получит атомная энергетика и к концу этого периода — термоядерная энергетика. Проблема «захоронения» отходов атомной энергетики – уже сейчас чисто экономическая, и в перспективе это будет не более сложно и дорого, чем столь же необходимое в будущем извлечение сернистого газа и окислов азота из топочных газов тепловых электростанций.

О транспорте. В области семейно-индивидуального транспорта, который в основном будет применяться в ЗТ, на смену автомобилю, по моим предположениям, придет аккумуляторная повозка на шагающих «ногах», не нарушающих травяного покрова и не требующих асфальтовых дорог. Для основных грузовых и пассажирских перевозок — гелиевые дирижабли с атомным двигателем и, главным образом, быстроходные поезда с атомным двигателем на эстакадах и в туннелях. В ряде случаев, в особенности в городском транспорте, получит распространение погрузка и выгрузка на ходу с использованием специальных подвижных «промежуточных» устройств (движущиеся тротуары, подобные описанным в романе Герберта Уэллса «Когда спящий проснется», разгрузочные вагоны на параллельных путях и т. п.).

О науке, новейшей технике, космических исследованиях. В научных исследованиях еще большее значение, чем теперь, получит теоретическое вычислительное «моделирование» многих сложных процессов. Использование вычислительных машин с большим объемом памяти и быстродействием (машины параллельного действия, возможно, фотоэлектронные или чисто оптические, с логическим оперированием информационными полями-картинами) даст возможность решить многомерные задачи, задачи с большим числом степеней свободы, квантово-механические и статистические задачи многих тел и т. п. Примеры подобных задач: прогноз погоды, магнитная газодинамика Солнца, Солнечной короны и других астрофизических объектов, расчеты органических молекул, расчеты элементарных биофизических процессов, расчеты свойств твердых и жидких тел, жидких кристаллов, расчеты свойств элементарных частиц, космологические расчеты, расчеты «многомерных» производственных процессов, например, в металлургии и химической промышленности, сложные экономические и социологические расчеты и т. п. Хотя вычислительное моделирование ни в коем случае не может и не должно заменить эксперимент и наблюдения, оно дает тем не менее огромные дополнительные возможности развития науки. Например, это великолепная возможность контроля правильности теоретического объяснения того или иного явления.

Возможно, будут достигнуты успехи в синтезе веществ, обладающих сверхпроводимостью при комнатной температуре. Такое открытие означало

бы революцию в электротехнике и многих других областях техники, например в транспорте (сверхпроводящие рельсы, на которых повозка скользит без трения на магнитной «подушке»; конечно, сверхпроводящими могут быть, наоборот, полозья повозки, а рельсы — магнитными).

Я предполагаю, что достижения физики и химии (быть может, с использованием математического моделирования) позволят не только создать синтетические материалы, превосходящие природные по всем существенным свойствам (тут первые шаги уже сделаны), но и воспроизвести искусственно многие уникальные свойства целых систем живой природы. Можно представить себе, что в автоматах будущего будут применяться экономичные и легко управляемые искусственные «мускулы» из обладающих свойством сокращаемости полимеров, что будут созданы высокочувствительные анализаторы органических и неорганических примесей в воздухе и воде, работающие по принципу искусственного «носа», и т. п. Я предполагаю, что возникнет производство искусственных алмазов из графита при помощи специальных подземных ядерных взрывов. Алмазы, как известно, играют очень важную роль в современной технике, и более дешевое их производство может еще более способствовать этому.

Еще более важное место, чем сейчас, в науке будущего должны занять космические исследования. Я предполагаю расширение попыток установления связи с инопланетными цивилизациями. Это — попытки принять сигналы от них во всех известных видах излучений, а одновременно проектирование и осуществление собственных излучающих установок. Это — поиски в космосе информационных снарядов инопланетных цивилизаций. Информация, полученная «извне», может оказать революционизирующее воздействие на все стороны человеческой жизни — на науку, технику, может быть полезной в смысле обмена социальным опытом. Бездействие в этом направлении, несмотря на отсутствие каких-либо гарантий успеха в обозримом будущем, было бы неразумным.

Я предполагаю, что мощные телескопы, установленные на космических научных лабораториях или на Луне, дадут возможность увидеть планеты, обращающиеся вокруг ближайших звезд (альфа Центавра и других). Атмосферные помехи делают нецелесообразным увеличение зеркал наземных телескопов сверх уже существующих.

Вероятно, к концу 50-летия начнется хозяйственное освоение поверхности Луны, а также использование астероидов. Произведя на поверхности астероидов взрывы специальных атомных зарядов, возможно, удастся управлять их движением, направлять их «поближе» к Земле.

Я изложил некоторые свои предположения о будущем науки и техники. Но я почти полностью обошел то, что составляет самое сердце науки и часто оказывается наиболее значительным по практическим последствиям, — наиболее абстрактные теоретические исследования, порождаемые неистощимой любознательностью, гибкостью и мощью человеческого разума. В первой половине XX века такими исследованиями явились создание специальной и общей теории относительности, создание квантовой механики, раскрытие строения атома и атомного ядра. Открытия такого масштаба всегда

были и будут непредсказуемы. Единственное, на что я могу рискнуть, да и то с большими сомнениями, это назвать несколько достаточно широких направлений, в которых, по моему мнению, возможны особенно важные открытия. Исследования в области теории элементарных частиц и в области космологии могут привести не только к большому конкретному прогрессу в уже существующих областях исследований, но и к формированию совершенно новых представлений о структуре пространства и времени. Большие неожиданности могут принести исследования в области физиологии и биофизики, в области регуляции жизненных функций, в медицине, в социальной кибернетике, в общей теории самоорганизации. Каждое крупное открытие окажет прямо или косвенно глубочайшее влияние на жизнь человечества.

Неизбежность прогресса

Мне кажется неизбежным продолжение и развитие основных существующих сейчас тенденций научно-технического прогресса. Я не считаю это трагичным по своим последствиям, несмотря на то что мне не совсем чужды опасения тех мыслителей, которые придерживаются противоположной точки зрения.

Рост населения, истощение природных ресурсов — это все такие факторы, которые делают абсолютно невозможным возвращение человечества к так называемой «здоровой» жизни прошлого (на самом деле очень тяжелой, часто жестокой и безрадостной) — даже если бы человечество этого захотело и могло осуществить в условиях конкуренции и всевозможных экономических и политических трудностей. Разные стороны научно-технического прогресса — урбанизация, индустриализация, механизация и автоматизация, применение удобрений и ядохимикатов, рост культуры и возможностей досуга, прогресс медицины, улучшение питания, снижение смертности и продление жизни — теснейшим образом между собой связаны, и нет никакой возможности «отменить» какие-то направления прогресса, не разрушая всей цивилизации в целом. Только гибель цивилизации в огне всемирной термоядерной катастрофы, от голода, эпидемий, всеобщего разрушения — может обратить вспять прогресс, но надо быть безумцем, чтобы желать такого исхода.

Сейчас в мире неблагоприятно в самом прямом, самом грубом смысле слова, голод и преждевременная смерть непосредственно угрожают множеству людей. Поэтому сейчас первой задачей истинно человеческого прогресса является противостоять именно этим опасностям, и всякий другой подход явился бы непростительным снобизмом. При всем том я не склонен абсолютизировать одну только технико-материальную сторону прогресса. Я убежден, что «сверхзадачей» человеческих институтов, и в том числе прогресса, является не только уберечь всех родившихся людей от излишних страданий и преждевременной смерти, но и сохранить в человечестве все человеческое — радость непосредственного труда умными руками и умной головой, радость взаимопомощи и доброго общения с людьми и природой,

радость познания и искусства. Но я не считаю непреодолимым противоречие между этими задачами. Уже сейчас граждане более развитых, индустриализованных стран имеют больше возможностей нормальной здоровой жизни, чем их современники в более отсталых и голодающих странах. И уж во всяком случае прогресс, спасающий людей от голода и болезней, не может противоречить сохранению начала активного добра, которое есть самое человеческое в человеке.

Я верю, что человечество найдет разумное решение сложной задачи осуществления грандиозного, необходимого и неизбежного прогресса с сохранением человеческого в человеке и природного в природе.

Нобелевская лекция «Мир. Прогресс. Права человека» (1975)

Мир, прогресс, права человека — эти три цели неразрывно связаны, нельзя достигнуть какой-либо одной из них, пренебрегая другими. Такова главная мысль, которую я хочу отразить в этой лекции.

Я глубоко благодарен за присуждение мне высокой, волнующей награды — Нобелевской премии мира — и за предоставленную возможность выступить сегодня перед вами. Я с особенным удовлетворением воспринял формулировку Комитета, в которой подчеркнута роль защиты прав человека как единственного прочного основания для подлинного и долговечного международного сотрудничества. Эта мысль кажется мне очень важной. Я убежден, что международное доверие, взаимопонимание, разоружение и международная безопасность немыслимы без открытости общества, свободы информации, свободы убеждений, гласности, свободы поездок и выбора страны проживания. Я убежден также, что свобода убеждений, наряду с другими гражданскими свободами, является основой научно-технического прогресса и гарантией от использования его достижений во вред человечеству, тем самым основой экономического и социального прогресса, а также является политической гарантией возможности эффективной защиты социальных прав. Таким образом я защищаю тезис о первичном, определяющем значении гражданских и политических прав в формировании судеб человечества. Эта точка зрения существенно отличается от широко распространенных марксистских, а также от технократических концепций, согласно которым определяющее значение имеют именно материальные факторы, социальные и экономические права. (Сказанное не означает, конечно, что я в какой-либо мере отрицаю значение материальных условий жизни людей.) [...]

Имеется много признаков того, что начиная со второй половины XX века человечество вступило в особо ответственный, критический период своей истории.

Создано ракетно-термоядерное оружие, способное в принципе уничтожить все человечество, — это самая большая опасность современности. Благодаря экономическим, промышленным и научным достижениям несравненно более опасными стали также так называемые «обычные» виды вооружения, не говоря уже о химическом и бактериологическом оружии.

Несомненно, успехи промышленного и технологического прогресса являются главным фактором преодоления нищеты, голода и болезней; но они одновременно приводят к угрожающим изменениям в окружающей среде, к истощению ресурсов. Человечество, таким образом, столкнулось с грозной экологической опасностью.

Быстрые изменения традиционных форм жизни привели к неуправляемому демографическому взрыву, особенно мощному в развивающихся странах «третьего мира». Рост населения создает необычайно трудные экономические, социальные и психологические проблемы уже сейчас и неотвратимо угрожает гораздо более серьезными опасностями в будущем. Во многих странах, в особенности в Азии, Африке, Латинской Америке, недостаток продовольствия продолжает оставаться постоянным фактором жизни сотен миллионов людей, обреченных с момента рождения на нищенское полуголодное существование. При этом прогнозы на будущее, несмотря на несомненные успехи «зеленой революции», являются тревожными, а по мнению многих специалистов — трагическими.

Но и в развитых странах люди сталкиваются с очень серьезными проблемами. Среди них — тяжелые последствия неумеренной урбанизации, потеря социальной и психологической устойчивости общества, непрерывная изнуряющая гонка моды и сверхпроизводства, бешеный, безумный темп жизни и ее изменений, рост числа нервных и психических заболеваний, отрыв все большего числа людей от природы и нормальной, традиционной человеческой жизни, разрушение семьи и простых человеческих радостей, упадок морально-этических устоев общества и ослабление чувства цели и осмысленности жизни. На этом фоне возникают многочисленные уродливые явления — рост преступности, алкоголизма, наркомании, терроризма и т.п. Надвигающееся истощение ресурсов Земли, угроза перенаселения, многократно углубленные международными политическими и социальными проблемами, начинают все сильнее давить на жизнь также и в развитых странах, лишая (или угрожая лишить) многих людей ставших уже привычными изобилия, удобства и комфорта.

Однако наиболее существенную, определяющую роль в проблематике современного мира играет глобальная политическая поляризация человечества, разделившая его на так называемый первый мир (условно назовем его «западный»), второй (социалистический), третий (развивающиеся страны). [...]

Эта поляризация многократно усиливает и без того очень серьезные опасности, нависшие над миром, — опасности термоядерной гибели, голода, отравления среды, истощения ресурсов, перенаселения, дегуманизации.

Обсуждая весь этот комплекс неотложных проблем и противоречий, следует прежде всего сказать, что, по моему убеждению, любые попытки замедлить темп научно-технического прогресса, повернуть вспять урбанизацию, призывы к изоляционизму, патриархальности, к возрождению на основе обращения к здоровым национальным традициям прошлых

столетий — нереалистичны. Прогресс неизбежен, его прекращение означало бы гибель цивилизации.

Еще не так давно люди не знали минеральных удобрений, машинной обработки земли, ядохимикатов, интенсивных методов земледелия. Есть голоса, призывающие вернуться к более традиционным и, возможно, более безопасным формам земледелия. Но возможно ли осуществить это в мире, где и сейчас сотни миллионов людей страдают от голода? Несомненно, наоборот, необходима дальнейшая интенсификация и распространение ее на весь мир, на все развивающиеся страны. Нельзя отказаться от все более широкого применения достижений медицины и от расширения исследований во всех ее отраслях, в том числе и в таких, как бактериология и вирусология, нейрофизиология, генетика человека и генохирургия, несмотря на потенциальные опасности злоупотребления и нежелательных социальных последствий некоторых из этих исследований. То же относится к исследованиям в области создания систем имитации интеллекта, к исследованиям в области управления массовым поведением людей, к созданию единых общемировых систем связи, систем сбора и хранения информации и т.п. Совершенно очевидно, что в руках безответственных бюрократических, действующих под покровом секретности учреждений все эти исследования могут оказаться необыкновенно опасными, но в то же время они могут стать крайне важными и необходимыми для человечества, если их осуществлять под контролем гласности, обсуждения, научного социального анализа. Нельзя отказаться от все более широкого использования искусственных материалов, синтетической пищи, от модернизации всех сторон быта людей. Нельзя отказаться от возрастающей автоматизации и укрупнения промышленного производства, несмотря на связанные с этим социальные проблемы.

Нельзя отказаться от строительства все более мощных тепловых и атомных электростанций, от исследований в области управляемой термоядерной реакции, поскольку энергетика — одна из основ цивилизации. Я позволю себе вспомнить в этой связи, что 25 лет назад мне, вместе с моим учителем, лауреатом Нобелевской премии по физике Игорем Евгеньевичем Таммом, довелось стоять у начала исследований управляемой термоядерной реакции в нашей стране. Сейчас эти работы приобрели огромный размах, исследуются самые различные направления, от классических схем магнитной термоизоляции до методов с использованием лазеров.

Нельзя отказаться от расширения работ по освоению околоземного космоса и по исследованию дальнего космоса, в том числе от попыток приема сигналов от внеземных цивилизаций — шансы на успех таких попыток, вероятно, малы, но зато последствия успеха могут быть грандиозными.

Я назвал только некоторые примеры, их можно умножить. В действительности все главные стороны прогресса тесно связаны между собой, ни одну из них нельзя отменить, не рискуя разрушить все здание цивилизации; прогресс неделим. Но особую роль в механизме прогресса играют интеллектуальные, духовные факторы. Недооценка этих факторов, особенно распространенная в социалистических странах, возможно, под влиянием

вульгарных идеологических догм официальной философии, может привести к извращению путей прогресса или даже к его прекращению, к застою. Прогресс возможен и безопасен лишь под контролем Разума. Важнейшая проблема охраны среды — один из примеров, где особенно ясна роль гласности, открытости общества, свободы убеждений. [...] Военные применения достижений науки, разоружение и контроль над ним - другая столь же критическая область, где международное доверие зависит от гласности и открытости общества. Упомянутый пример управления массовым поведением людей, при своей внешней экзотичности, тоже вполне актуален уже сейчас.

Свобода убеждений, наличие просвещенного общественного мнения, плюралистический характер системы образования, свобода печати и других средств информации — всего этого сильно не хватает в социалистических странах вследствие присущего им экономического, политического и идеологического монизма. Между тем, эти условия жизненно необходимы не только во избежание злоупотреблений прогрессом, вольных и по неведению, но и для его поддержания. В особенности важно, что только в атмосфере интеллектуальной свободы возможна эффективная система образования и творческой преемственности поколений. Наоборот, интеллектуальная несвобода, власть унылой бюрократии, конформизм, разрушая сначала гуманитарные области знания, литературу и искусство, неизбежно приводят затем к общему интеллектуальному упадку, бюрократизации и формализации всей системы образования, к упадку научных исследований, исчезновению атмосферы творческого поиска, к застою и распаду.

Сейчас в поляризованном мире тоталитарные страны благодаря детанту⁶ приобрели возможность своеобразного интеллектуального паразитизма. И похоже, если не произойдет тех внутренних сдвигов, о необходимости которых все мы думаем, скоро им придется встать на этот путь. Один из возможных результатов детанта именно таков. Если это произойдет, взрывоопасность общемировой ситуации может только возрасти. Миру жизненно необходимо всестороннее сотрудничество между странами Запада, социалистическими и развивающимися странами, включая обмен знаниями, технологией, торговлю, экономическую, в частности продовольственную, взаимопомощь. Но это сотрудничество должно происходить на основе доверия открытых обществ, как говорят, с открытой душой, на основе истинного равноправия, а не на основе страха демократических стран перед их тоталитарными соседями. Сотрудничество в этом последнем случае означало бы просто попытку задарить, задобрить жуткого соседа. Но подобная политика всегда лишь отсрочка беды, которая вскоре возвращается в другую дверь с удесятиренными силами, это попросту новый вариант мюнхенской политики. Устойчивый успех детанта возможен, только если с самого начала он сопровождается непрестанной заботой об открытости всех стран, об увеличении уровня гласности, о свободном обмене информацией, о непременном соблюдении во всех странах гражданских и политических прав -

⁶ Разрядка международной напряженности — политика, направленная на снижение агрессивности противостояния стран социалистического и капиталистического лагерей.

короче говоря, при дополнении разрядки в материальной сфере разоружения и торговли разрядкой в духовной, идеологической сфере. [...]

Перехожу к одной из центральных проблем современности — к разоружению. Я подробно изложил свою позицию в книге «О стране и мире». Необходимо укрепление международного доверия, совершенный контроль на местах силами международных инспекционных групп. Все это невозможно без расширения разрядки на область идеологии, без увеличения открытости общества. В этой же книге я подчеркнул необходимость международных соглашений об ограничении поставок оружия другим государствам, прекращение новых разработок систем оружия по специальным соглашениям, соглашение о запрещении секретных работ, устранение факторов стратегической неустойчивости, в частности запрещение разделяющихся боеголовок.

Как же я представляю себе идеальное общемировое соглашение о разоружении в техническом плане?

Я думаю, что такому соглашению должно предшествовать официальное (не обязательно сразу открытое) заявление об объеме всех видов военного потенциала (от запасов термоядерных зарядов до прогнозов контингентов военнообязанных), с указанием **примерной условной разбивки** по районам «потенциальной конфронтации». Соглашение должно предусматривать в качестве первого этапа ликвидацию преимуществ одной стороны над другой отдельно для каждого стратегического района и для каждого вида военного потенциала (конечно, это только схема, от которой неизбежны некоторые отклонения). Таким образом, будет исключено, во-первых, что соглашение в одном стратегическом районе (скажем, в Европе) будет использовано для усиления военных позиций в другом районе (скажем, на советско-китайской границе); и, во-вторых, исключены возможные несправедливости из-за трудности количественно сопоставить значимость разных видов потенциала (например, трудно сказать, скольким зенитным установкам ПРО эквивалентен один крейсер, и т.п.). Следующим этапом сокращения вооружений должно явиться пропорциональное сокращение одновременно для всех стран и всех стратегических районов. Такая формула «сбалансированного» двухэтапного сокращения вооружений обеспечит непрерывающуюся безопасность каждой страны, непрерывное равновесие сил в каждом районе потенциальной конфронтации и одновременно радикальное решение экономических и социальных проблем, порождаемых милитаризацией. На протяжении многих десятилетий варианты подобного подхода выдвигаются многими экспертами и государственными деятелями, однако до сих пор успех очень незначителен. Но я надеюсь, что сейчас, когда человечеству реально угрожает гибель в огне термоядерных взрывов, разум людей не допустит этого исхода. Радикальное сбалансированное разоружение действительно необходимо и возможно как часть многостороннего и сложного процесса разрешения грозных, неотложных мировых проблем. Та новая фаза межгосударственных отношений, которая получила название разрядки, или детанта, и, вероятно, имеет своим кульминационным пунктом совещание в Хельсинки, в принципе открывает определенные возможности продвижения в этом направлении.

Заключительный акт совещания в Хельсинки в особенности привлекает наше внимание тем, что в нем впервые официально отражен тот комплексный подход к решению проблем международной безопасности, который представляется единственно возможным; в акте содержатся глубокие формулировки о связи международной безопасности с защитой прав человека, свободы информации и свободы передвижения и важные обязательства стран-участниц, гарантирующие эти права. Очевидно, конечно, что речь идет не о гарантированном результате, а именно о новых возможностях, которые могут быть реализованы лишь в результате длительной планомерной работы, с единой и последовательной позицией всех стран-участниц, в особенности демократических стран.

Это относится, в частности, к проблеме прав человека, которой посвящена последняя часть лекции. В нашей стране, о которой я теперь буду говорить преимущественно, за месяцы, прошедшие после совещания в Хельсинки, вообще не произошло сколько-нибудь существенного улучшения в этом направлении; в отдельных же вопросах замечаются даже попытки сторонников жесткого курса «завинтить» гайки. [...]

Заключительный акт совещания в Хельсинки вновь подтвердил принципы свободы убеждений. Но требуется большая и упорная борьба, чтобы эти положения акта имели не только декларативное значение. В СССР многие тысячи людей преследуются сегодня за убеждения в судебном и внесудебном порядке — за религиозные верования и желание воспитывать своих детей в религиозном духе; за чтение и распространение (часто простое ознакомление 1–2 человек) нежелательной властям литературы, обычно абсолютно легальной по демократическим нормам, например религиозной; за попытку покинуть страну; особенно важна в моральном плане проблема преследования лиц, страдающих за защиту других жертв несправедливости, за стремление к гласности, в частности за распространение информации о судах, преследованиях за убеждения, об условиях мест заключения.

Невыносима мысль, что сейчас, когда мы собрались для праздничной церемонии в этом зале, **сотни и тысячи узников совести страдают от тяжелого многолетнего голода, от почти полного отсутствия в пище белков и витаминов, от отсутствия лекарств (витамины и лекарства запрещено пересылать в места заключения), от непосильной работы, дрожат от холода, сырости и истощения в полутемных карцерах, вынуждены вести непрестанную борьбу за свое человеческое достоинство, за убеждения, против машины «перевоспитания», а фактически слома их души.** Особенности системы мест заключения тщательно скрываются, десятки людей страдают за ее разоблачение - это лучшее доказательство реальности обвинений в ее адрес. **Наше чувство человеческого достоинства требует немедленного изменения этой системы для всех заключенных, как бы они ни были виновны. Но что сказать о муках невинных? Самое же страшное — ад спецпсихбольниц Днепропетровска, Сычевки, Благовещенска, Казани, Черняховска, Орла, Ленинграда, Ташкента...**

Я не могу сегодня рассказывать конкретные судебные дела, конкретные судьбы. Есть большая литература (я обращаю здесь ваше внимание на издания издательства «Хроника-пресс» в Нью-Йорке, перепечатающего, в частности, советский самиздатский журнал «Хроника текущих событий» и издающего аналогичный информационный бюллетень). **Я просто назову здесь, в этом зале, имена некоторых известных мне узников.** Как уже вы слышали вчера, я прошу вас считать, что **все** узники совести, **все** политзаключенные моей страны разделяют со мной честь Нобелевской премии Мира.

Вот некоторые известные мне имена: [перечисление 120 имен]. В несправедливой ссылке — Анатолий Марченко, Нашпиц, Цитленок. Ожидают суда — Мустафа Джемилев, Ковалёв, Твердохлебов. Я не мог назвать всех известных мне узников за неимением места, еще больше я не знаю или не имею под рукой справки. Но я всех подразумеваю мысленно и всех не названных явно прошу извинить меня. За каждым названным и не названным именем — трудная и героическая человеческая судьба, годы страданий, годы борьбы за человеческое достоинство.

Кардинальное решение проблемы преследования за убеждения — освобождение на основе международного соглашения, возможно, решения Генеральной Ассамблеи ООН, всех политзаключенных, всех узников совести в тюрьмах, лагерях и психиатрических больницах. В этом предложении нет никакого вмешательства во внутренние дела какой-либо страны, ведь оно в равной мере распространяется на все страны, на СССР, Индонезию, Чили, ЮАР, Испанию, Бразилию, на все другие страны, и потому, что защита прав человека провозглашена Всеобщей декларацией ООН международным, а не внутренним делом. Ради этой великой цели нельзя жалеть сил, как бы ни был долог путь, — а что он долог, это мы видели во время последней сессии ООН. США на этой сессии внесли предложение о политической амнистии, но затем сняли его после попытки ряда стран чересчур (по мнению делегации США) расширить рамки амнистии. Я сожалею о происшедшем. Но снять проблему нельзя. И я глубоко убежден, что лучше освободить некоторое число людей в чем-то виновных, чем держать в заключении и истязать тысячи невинных.

Не отказываясь от кардинального решения, сегодня мы должны бороться за каждого человека в отдельности, против каждого случая несправедливости, нарушения прав человека — от этого зависит слишком многое в нашем будущем.

Стремясь к защите прав людей, мы должны выступать, по моему убеждению, в первую очередь как защитники невинных жертв существующих в разных странах режимов, без требования сокрушения и тотального осуждения этих режимов. Нужны реформы, а не революции. Нужно гибкое, плюралистическое и терпимое общество, воплощающее в себе дух поиска, обсуждения и свободного, не догматического использования достижений всех социальных систем. Что это — разрядка? конвергенция? — дело не в словах, а в нашей решимости создать лучшее, более доброе общество, лучший мировой порядок.

Тысячелетия назад человеческие племена проходили суровый отбор на выживаемость; и в этой борьбе было важно не только умение владеть

дубинкой, но и способность к разуму, к сохранению традиций, способность к альтруистической взаимопомощи членов племени. Сегодня все человечество в целом держит подобный же экзамен. В бесконечном пространстве должны существовать многие цивилизации, в том числе более разумные, более «удачные», чем наша. Я защищаю также космологическую гипотезу, согласно которой космологическое развитие Вселенной повторяется в основных своих чертах бесконечное число раз. При этом другие цивилизации, в том числе более «удачные», должны существовать бесконечное число раз на «предыдущих» и «последующих» к нашему миру листах книги Вселенной. Но все это не должно умалить нашего священного стремления именно в этом мире, где мы, как вспышка во мраке, возникли на одно мгновение из черного небытия бессознательного существования материи, осуществить требования Разума и создать жизнь, достойную нас самих и смутно угадываемой нами Цели.

11 декабря 1975 г.

О стране и мире (1975)

[...]

I. О СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Жизнь нашей огромной страны, конечно, очень сложна и многолика. Как в каждой стране, труд людей, хотя и не всегда производительный и разумно организованный, и возрастающее использование достижений науки и природных ресурсов так или иначе приносят свои зримые плоды. Тысячи оживленных и, видимо, довольных судьбой людей снуют у подножия стройных небоскребов нового Арбата, высоко поднявшихся в небе Москвы. Но за этим фасадом скрывается, как, впрочем, тоже не только у нас, много такого, что недоступно постороннему глазу, скрывается море человеческого несчастья, трудностей, озлобления, жестокости, глубочайшей усталости и безразличия, которые накопились десятилетиями и подтачивают устои общества. В стране необыкновенно много несчастных, обойденных судьбой людей: одиноких стариков с ничтожными пенсиями; людей, не устроенных в жизни, не имеющих работы или возможности учиться, или приличного, даже по нашим нищенским нормам, жилья; хронических больных, которые не могут попасть в больницу; бесчисленное множество спившихся, опустившихся людей; полтора миллиона заключенных, жертв слепой и часто несправедливой, продажной и зависимой от властей и местной «мафии» судебной машины, которые навсегда выкинуты из нормальной жизни; просто неудачников, не сумевших вовремя сунуть кому надо взятку. Всем им практически невозможно помочь, да и мало кто пытается это делать в общей обстановке трудной, изнуряющей борьбы за пропитание большинства населения, сытой самодовольной замкнутости у меньшинства, показной и малоэффективной социальной структуры. Отчаявшиеся люди осаждают высокие приемные, откуда многих из них, особенно надоедливых,

прямым ходом увозят в психиатрические больницы. Я очень люблю природу и культуру своей родины, ее людей и вовсе не стремлюсь выступать в роли «очернителя». Но сейчас я считаю необходимым фиксировать внимание на тех отрицательных особенностях, которые имеют принципиальное значение для международных отношений и понимания обстановки в стране, и замалчиваются советской и просоветской пропагандой. [...]

Несомненно, нет у нас самой высокой в мире производительности труда, нет даже надежды догнать по этому показателю передовые капиталистические страны в обозримом будущем. Налицо постоянная милитаризация экономики, невиданно высокая для мирного времени — тяжелая для населения и опасная для всего мира. Налицо хроническое экономическое перенапряжение, отсутствие резервов — это при наших-то природных ресурсах — черноземе, угле, нефти, лесе, климатическом разнообразии, низкой плотности населения.

Особенно существенно, что при таких ресурсах после 58 лет гигантских усилий, из них 30 лет в условиях непрерывного мирного времени, нет и в помине самого высокого в мире уровня жизни. Рабочий любой передовой капиталистической страны — не только США, но и, скажем, Франции, ФРГ, Италии, Швеции и т. п. — не станет работать за нашу зарплату и с нашим уровнем социальной защиты своих прав. [...]

Особенно тяжело низкая зарплата сказывается на наиболее массовых слоях интеллигенции — учителях, работниках медицины, рядовых инженерах. У них, как правило, нет приусадебных участков и существенных для многих «левых» источников дохода (часто полузаконных). [...]

Как же государство распоряжается присвоенными им благодаря искусственно заниженной зарплате гигантскими средствами? Они идут, конечно, в значительной доле на расширенное воспроизводство, но также в столь же большой доле на гигантские военные расходы, на финансирование тайной и явной экспансии во всех частях света — от Ближнего Востока до Латинской Америки, на обеспечение более высокого уровня жизни привилегированных слоев общества, на покрытие дорогостоящих нелепостей бюрократического стиля руководства. Некоторая доля присвоенных государством средств возвращается на социальные нужды — в частности, на пенсии, медицину, образование, которые, таким образом, никак не могут считаться бесплатными.

Чрезвычайно существенно, что наше общество ни в коей мере не является обществом социальной справедливости. Хотя соответствующие социологические исследования в стране либо не производятся, либо засекречены, но можно утверждать, что уже в 20–30-е годы и окончательно в послевоенные годы в нашей стране сформировалась и выделилась особая партийно-бюрократическая прослойка — «номенклатура», как они себя сами называют, «новый класс», как их назвал Джилас. У этой прослойки свой образ жизни, свое четко определенное положение в обществе — «хозяина», «голова», свой язык и образ мыслей. Номенклатура фактически неотчуждаема и в последнее время становится наследственной. Благодаря сложной системе

тайных и явных служебных привилегий, а также связей, знакомств, взаимных «одолжений», благодаря большей зарплате эти люди имеют возможность жить в гораздо лучших жилищных условиях, лучше питаться и одеваться [...]. В широких слоях населения существует определенное раздражение как привилегиями номенклатуры, идущими за счет рядовых граждан, так и, в особенности, часто очень чувствительными нелепостями бюрократического стиля руководства. Даже очень далекому от политики человеку бросаются в глаза такие факты, как ежегодное сгнивание значительной части урожая овощей, фруктов и зерна, как гибель в пути на поля почти 50% минеральных удобрений, хищнический лов рыбы, в том числе молоди, гибель рыбы в загрязненных водоемах и от нарушения условий нереста, уничтожение лесов, эрозия почвы — этих великих богатств страны; пышные и хищнические начальственные охоты в заповедниках, затопление лугов, вопиющие нелепости планирования и практики промышленного строительства, отсутствие заботы об удобном транспорте, водоснабжении, сервисе и вообще быте рядовых граждан, жестокая и бессмысленная регламентация кадровой, финансовой и хозяйственной деятельности всех учреждений.[...]

Иностранные гости иногда задают вопрос: почему, если у вас действительно так много недостатков, народ не примет мер к их исправлению? Однозначно ответить на этот вопрос не просто. Одним из факторов стабильности режима является то обстоятельство, что материальный уровень жизни, хотя и медленно, но все же растет. Каждый человек, естественно, сравнивает свою жизнь не с далеким и недоступным Парижем, а с собственным нищим прошлым. Но еще важнее другое — имманентная крепость тоталитарного режима — инерция страха и пассивности. Нет ни одного народа, который за одно поколение принес бы такие ни с чем не сравнимые жертвы. Наш рабочий — это не английский и даже не польский докер, который при нужде может выйти на улицу. Хотя радиорупора каждый день внушают рядовому советскому гражданину, что он — хозяин страны, но он-то прекрасно понимает, что истинные хозяева — это те, кто по утрам и вечерам проносятся в бронированных черных лимузинах по замершим, перекрытым улицам. Он не забыл, как раскулачивали его деда, и он знает, что и сегодня его личная судьба целиком зависит от государства — от близкого и дальнего начальства, от председателя жилищной комиссии, от председателя профкома, который может устроить, а может и не устроить его ребенка в детский сад, а возможно, и от работающего с ним рядом осведомителя КГБ. Во время выборов он опускает в избирательную урну бюллетень, на котором стоит только одна фамилия. Он не может не сознавать, насколько политически унижают его такие «выборы без выбора», не может не чувствовать заключенного в этой пышной церемонии издевательства над здравым смыслом и человеческим достоинством. Его дрессируют — и он поддается дрессировке, чтобы жить. Он обманывает самого себя. Советский гражданин — порождение тоталитарного общества и до поры до времени — его главная опора. И я могу только молить судьбу, чтобы выход из этого исторического тупика не сопровождался такими гигантскими потрясениями, о которых мы пока не имеем даже представления. Вот почему я эволюционист, реформист.

Особенно разрушительны последствия партийно-государственного монополизма в области культуры и идеологии. Полная унификация идеологии повседневно — от школьной парты до профессорской кафедры — требует от людей лицемерия, приспособленчества, серости и самооглупления. Непрерывно разыгрывается трагикомический ритуальный фарс всеобщей присяги на верность, оттесняющий на задний план все соображения дела, здравого смысла и человеческого достоинства. Писатели, художники и артисты, педагоги, ученые-гуманитарии существуют под таким чудовищным идеологическим прессом, что приходится удивляться, как искусство и гуманитарные науки не исчезли вовсе в нашей стране. Воздействие тех же антиинтеллектуальных факторов на точные науки и технику более косвенное, но не менее разрушительное. Сравнение научных, технических и экономических достижений в СССР и за рубежом говорит об этом с полной ясностью. Я уже не раз писал об этом. Не случайно именно в нашей стране многие годы не могли нормально развиваться новые и многообещающие научные направления в биологии и кибернетике, а на поверхности пышным цветом расцветали откровенная демагогия, невежество и шарлатанство. Не случайно все крупные научные и технические открытия последнего времени — создание квантовой механики, открытие новых элементарных частиц, открытие деления урана, открытие антибиотиков и большинства новых высокоэффективных медицинских препаратов, изобретение транзисторов, изобретение электронных вычислительных машин, изобретение лазера, выведение новых высокопродуктивных сортов в растениеводстве, открытие других компонентов «зеленой революции», создание новой технологии в сельском хозяйстве, промышленности и строительстве — все это произошло не в нашей стране.

Эффектные достижения первого десятилетия космической эры, обусловленные личными качествами покойного академика С. П. Королёва и некоторыми случайными особенностями наших программ военного ракетостроения, допускавшими их непосредственное использование в космосе, — исключение, никак не опровергающее общую закономерность. Определенные успехи в военной технике — результат чудовищной концентрации сил в этой области.

Идеологический монизм, нетерпимость вместе с холодным (хотя и неразумным) политическим расчетом приводят к непрекращающимся преследованиям инакомыслящих. По-видимому, в СССР от 2 до 10 тыс. человек, которых можно назвать политзаключенными. Эта цифра не включает тех, кто страдает за свои религиозные убеждения, — их число, вероятно, еще значительно больше. Следует также оговориться, что наша информация может оказаться очень неполной. Все политзаключенные считаются, по действующему кодексу, уголовными преступниками — отдельного статуса политзаключенного у нас не существует — и делят с заключенными других категорий (тоже часто невиновными) все тяготы и унижения их существования, носящие позорный, недопустимый для нашего времени характер. Попытки разглашения подробностей о содержании и быте заключенных жестоко преследуются — и это лучшее доказательство того, что

есть что скрывать. Но все же многое известно: тяжелый принудительный труд, часто с нарушением правил безопасности; недостаточное и плохое питание при практической невозможности улучшить его за счет посылок и передач, которые жестоко ограничиваются (заметим, что подобные ограничения существуют даже при предварительном заключении), жесткие ограничения свиданий, переписки, возможности иметь книги; жестокие, произвольные репрессии. Борьба политзаключенных за свои человеческие права — в последнее время стало известно о многих героических забастовках и голодовках — как правило, приводит только к новым репрессиям.

Советская система мест заключения несет на себе многие черты описанной Солженицыным, Шаламовым, Гинзбург, Дьяковым, Олицкой и сотнями других очевидцев и исследователей еще более страшной и грандиозной системы ГУЛАГа, уничтожившей более 20 миллионов человек. [...]

Я считаю, что для исправления существующего недопустимого положения необходимо установление международного контроля над местами заключения и специальными психиатрическими больницами (где условия еще тяжелей) и всеобщая амнистия политзаключенных.

Кто же они — советские политзаключенные? Подавляющее число из них не совершали никаких преступлений в том понимании этого слова, которое принято в демократических странах, не совершали насильственных действий и не призывали к ним. Одна из распространенных причин политических репрессий — чтение, хранение и передача друзьям рукописей самиздата и книг нежелательного содержания (хотя обычно вполне безобидного по существу). [...]

Сейчас центр тяжести репрессий явно перенесен на относительно малочисленные в нашей стране религиозные группы, проявляющие большую строптивость, — на униатов, баптистов, католиков, сторонников истинно православной церкви, пятидесятников, буддистов. Широко известно о преследованиях представителей этих групп, об экономических санкциях, о судебных процессах с осуждением на длительные сроки. [...] Одной из наиболее изуверских форм религиозных преследований является отбирание детей от родителей — с целью отгородить их от «пагубного» религиозного воспитания. Религиозные преследования являются вопиющим нарушением принципа отделения церкви от государства, нетерпимым в демократическом обществе вмешательством государства в личные убеждения граждан. [...]

Одна из особенностей судебных процессов по политическим обвинениям — [...] отсутствие даже видимости беспристрастного разбирательства. До сих пор западному читателю трудно в это до конца поверить, такие вещи надо видеть собственными глазами, как и многое другое в нашей стране.

Так называемые «заведомо ложные клеветнические измышления» — основное обвинение в политических процессах — никогда не проверяется судом по существу, достаточно того, что они кажутся (должны казаться) клеветническими прокурору, судьям, КГБ. [...]

Я убежден, что защита советских политзаключенных и других инакомыслящих, борьба за большую гуманность в местах заключения, за права

человека вообще — не только нравственный долг честных людей во всем мире, но и непосредственная защита прав человека в их собственных странах. Однако мы часто сталкиваемся с отсутствием интереса к нашим бедам. После визита премьер-министра Великобритании Г. Вильсона (к которому я обратился с очередным посланием) я услышал по радио спокойный комментарий какого-то журналиста, что, дескать, Вильсону нельзя было вмешиваться в дела о правах человека в СССР, так как этими проблемами в основном интересуются «правые» элементы и он не мог с ними солидаризоваться. Я надеюсь, что позиция Вильсона совсем иная, но каков все же возможный уровень цинизма! [...]

В предыдущие десятилетия миллионы погибали в полной безвестности. Изменение обстановки в стране создало физическую возможность пробить брешь в заговоре молчания, и многие самоотверженные, смелые и талантливые люди решились и сумели воспользоваться этой возможностью. Но это вновь был подвиг, повлекший новые жертвы. В самое последнее время особенно велика заслуга издателей анонимного информационного самиздатского журнала «Хроника текущих событий» и некоторых других групп и смелых одиночек. Очень велика роль писателей, которые сумели открыть миру тщательно скрываемые стороны нашей действительности — я имею в виду не только лагеря, но и всю психологическую, социальную, нравственную и экономическую обстановку. В разоблачении же лагерных преступлений особенно велика роль непосредственных свидетелей, многие из которых, в частности, удивительные люди страшной судьбы, как Марченко, Шумук, Шухевич, вновь лишены свободы за свои правдивые показания. [...]

В нашей стране действительно совершается много тяжелых преступлений, часто на почве пьянства и других социальных причин; я знаю также, что эти беды, хотя и с различной степенью остроты, носят общемировой характер. Я убежден, что смягчить их можно не продолжением и усилением репрессий, а только нравственным подъемом, обращением людей к простым и истинным общечеловеческим ценностям, общечеловеческим сближением — тем, что сделает людей более счастливыми и внутренне свободными. Отмена смертной казни особенно необходима нашей стране, отравленной духом жестокости и безразличия к человеческим страданиям.

[...] спасение страны — в ее взаимодействии со всем миром и невозможно без спасения всего человечества. Необходимы демократические реформы, затрагивающие все стороны жизни; будущее страны — в ориентации на прогресс, науку, личное и общественное нравственное возрождение. Нельзя ограничить пути этого возрождения только религиозной или националистической идеологией или какими-либо патриархальными устремлениями в духе Руссо. Никто не должен рассчитывать на быстрое и универсальное решение великих проблем. Все мы должны набраться терпения и терпимости, соединяя их, однако, со смелостью и последовательностью мысли, но нельзя призывать наших людей, нашу молодежь к жертвам; люди в нашей стране тотально зависимы от государства, и оно проглотит каждого, не поперхнувшись, а что касается жертв, то их уже было более чем достаточно.

Выстраданный призыв к национальному покаянию России — благороден. Он противопоставлен великорусской экспансии, национальной вине и беде. Но не связано ли и то и другое одной и той же роковой философской ошибкой, которая неминуемо влечет за собой моральные изъязны и трагические последствия? Ведь не случайно религия и философско-этические жизнеутверждающие системы, например, близкие взглядам Швейцера, обращают свое внимание к человеку, а не к нации, именно человека призывают к осознанию вины и к помощи ближнему.

[...] Внутренние особенности строя имеют очень существенные последствия во внешнеполитических проявлениях. Я буду писать об этом в следующих главах. Сейчас подчеркну только некоторые обстоятельства, в первую очередь — закрытость общества и тоталитарный, кабинетный характер руководства, способного принимать решения втайне, без какого-либо предварительного открытого обсуждения, а также огромные бесконтрольные финансовые возможности тайных действий в других странах. Чрезвычайно существенно также, что все отношения нашей страны с внешним миром, как тайные, так и открытые — дипломатические, торговые, научные, пропагандистские, — могут целенаправленно контролироваться по единому плану, единой волей. Все эти особенности дают советской внешней политике особые качества — большую динамичность, прагматическую беспринципность, которая проявляется, например, в поддержке громадными поставками советского оружия тиранических режимов Амина в Уганде, Каддафи в Ливии и во многих других странах, в поддержке геноцида народа ибо в Нигерии, курдов в Ираке и т. п., в использовании национальной, религиозной и политической вражды во многих районах мира для расширения влияния. Они дают возможность при необходимости легко нарушить любые соглашения, жестокость, огромные возможности тайных подрывных действий в других странах — подкупа, обмана, шантажа, организации «пятых колонн». Несомненно, что эти особенности создают дополнительную опасность, дополнительный вызов для всего человечества, и без того находящегося в крайне сложном положении.

Очень существенно также, что благодаря сохраняющейся сверхмилитаризации именно СССР поддерживает необходимость высоких военных расходов во всем мире. Советские поставки оружия — один из способов расширения зон влияния, влекущий за собой одновременно расширение зон конфронтации и кровавых конфликтов, нарушающий нормальное экономическое развитие стран, в которые поставляется оружие.

Хроническое неблагополучие сельского хозяйства нашей страны, которая до революции была житницей Европы, является одной из важнейших причин, затрудняющих решение мировой продовольственной проблемы.

Отсутствие в социалистических странах экономических рычагов управления хозяйством, бюрократическое лжепланирование, закрытость страны, хищная безответственность бюрократии — все это очень затрудняет сотрудничество с ними по проблемам охраны среды.

Необычайно важно широкое осознание всех этих фактов в их взаимосвязи. Только при этом условии можно рассчитывать на осуществление

согласованных и целенаправленных действий, противостоящих опасностям, угрожающим человечеству. Эта глава получилась-таки, по обычным нашим стандартам, довольно «злопахательской». В мучительные часы после работы я время от времени невольно ощущаю чувство неловкости, почти стыда. Делом ли я занят? Я думаю о тех, кому имя легион, кто делает свое безусловно непосредственно полезное дело — выращивает пшеницу и свеклу, строит дома, мосты и автомобили, лечит детей и пломбирует зубы, пишет стихи и работает в лаборатории — и мечтает о том, что он полезен людям, мечтает о личном счастье. Но нет, я не предаю никого из них, не бросаю тень на их честный труд и мечту, не предаю и самого себя, свои возможности (такое самопредательство ведь тоже очень плохое дело). Быть может, мне не хватает таланта для этой моей работы, остроты ума и способности к обобщению, наблюдательности и знания жизни для задачи, которую передо мной поставила судьба. Но если я внутренне честен, то мне не в чем упрекнуть себя, и моя работа должна оказаться полезной, так же как и работа любого другого труженика.

[...]

III. ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ

Человечество стоит перед угрозой гибели цивилизации и физического уничтожения от бесконтрольного наращивания термоядерных арсеналов и нарастания конфронтации. Устранение этой угрозы имеет безусловный приоритет перед всеми остальными проблемами международных отношений — я много раз об этом писал и считаю необходимым повторить еще раз. Поэтому так важны переговоры о разоружении, дающие проблеск надежды в темном мире самоубийственного ядерного безумия. Но мне кажется, что и в этой критической проблеме сказываются те же недостатки подхода к «разрядке», о которых я уже говорил, — разобщенность Запада, иллюзии у одних и политическая игра других. Особенно важно подчеркнуть, что проблемы разоружения неотделимы от других основных аспектов разрядки — от преодоления закрытости советского общества, от укрепления международного доверия, от ослабления тоталитарного характера советского общества. Поэтому, даже если стремиться к решению только одной проблемы разоружения как самой важной, все равно для ее решения необходимо неослабное внимание к человеческим проблемам, к защите прав человека, к облегчению обмена людьми и информацией как основы международного доверия. Эту «неделимость разрядки» нельзя забывать. Соглашения Никсона и Брежнева, Форда и Брежнева о противоракетной обороне, о наступательном стратегическом оружии очень важны. Но я, выступая в качестве «аутсайдера», в первую очередь хочу подчеркнуть то, что в них кажется мне несовершенным, даже опасным.

Если говорить в общем плане — это недостаточное внимание к проблемам контроля, недооценка особенностей нашего тоталитарного государства, возможных особенностей его стратегической доктрины и закрытости.

Советская сторона во всех переговорах о разоружении всегда занимала очень жесткую позицию в вопросах контроля. Причин тут много — закрытость советского общества, традиционная (и бессмысленная в наше время) шпиономания, желание блефовать (то есть создавать впечатление большей силы, чем на самом деле), желание получить преимущества внезапности и неожиданности. Этой жесткой (и в конечном счете неразумной) позиции необходимо противопоставить большую твердость Запада, основанную на реальной силе и доброй воле.

Другой столь же принципиальный вопрос — опасение, что стратегическая доктрина и практика тоталитарного государства может оказаться более безжалостной к населению своей страны и ко всему человечеству, более авантюристической, более подверженной случайностям, зависящим от личности и кабинетных решений, чем в более демократическом государстве.

Прежде чем конкретно обсуждать соглашения, я еще хочу остановиться на распространенном недоразумении, что советская сторона по экономическим причинам в большей степени заинтересована в истинном разоружении, чем ее западные партнеры по переговорам. Из этого предположения делаются далеко идущие и опасные, по-моему, выводы о целесообразности одностороннего разоружения Запада. К сожалению, дело обстоит гораздо сложнее. Конечно, экономическая система нашей страны, несущая огромный груз военных расходов, крайне перенапряжена, и перевод многих миллионов рублей на мирные цели — в высшей степени в интересах большинства народа. Но реально кардинальное изменение в таком определяющем вопросе, как милитаризация экономики нашей страны, невозможно без глубоких общеполитических изменений. Сейчас доминирующая черта политики властей — по возможности ничего существенного не менять, чтобы не нарушить сложившегося равновесия вещей, а в конечном счете — чтобы не поставить под удар положение элиты и ее привилегии, тесно вплетенные в это существующее положение⁷. Можно опасаться, что одностороннее разоружение Запада не повлечет за собой ответной реакции — тогда это чревато нарушением равновесия.

Я убежден, что соглашения, которые имели бы реальное, а не только символическое значение, должны включать:

- 1) В качестве первого этапа, предшествующего полному запрещению ракетно-термоядерного наступательного оружия, — достаточно низкий и сбалансированный по суммарной мощности зарядов предельный верхний уровень для носителей термоядерных зарядов стратегического назначения. Эта формулировка подразумевает, что предельная суммарная мощность зарядов, размещенных на носителях стратегического назначения, устанавливается одинаковой для СССР и США и, самое главное, такой, что даже при попадании всех зарядов в

⁷ Я уже писал выше, что одной из основных причин падения Хрущёва была его попытка уменьшить непомерные военные расходы и покушение на привилегии «номенклатуры».

города противника лишь меньшая часть застройки подвергнется разрушению и может погибнуть лишь малая часть населения.

- 2) Запрещение развертывания и усовершенствования противоракетной обороны стратегического назначения. Полное запрещение разделяющихся боеголовок независимого наведения. Эти требования представляются мне реальными, так как осуществление этих систем оружия находится в начальной стадии. Отказ от осуществления этих систем важен как в силу исключительной их дороговизны (в свое время писалось, что ПРО в четыре раза дороже противостоящей ей по мощности наступательной системы), так и потому, что их осуществление может способствовать стратегической неустойчивости: у каждой из сторон может появиться соблазн нанести первый удар для получения решающего преимущества.
- 3) Совершенную систему контроля, включающую инспекции на местах. Дальнейшее развитие этих соглашений должно иметь целью полное запрещение термоядерного и атомного оружия.

К сожалению, заключенные соглашения не соответствуют этому идеалу. Более того, создается впечатление, что они в некоторых отношениях как бы ведут в другую сторону. [...]

Не меньшую тревогу вызывают некоторые стороны соглашений о наступательном ракетно-термоядерном оружии.

Опять недостаток контроля. Если подземные и наземные стационарные стартовые позиции еще как-то можно засечь с разведывательных спутников, то все остальные формы размещения ракет с подводными и подвижными стартовыми установками, стартовый вес ракет, мощность зарядов, истинная доля ракет с разделяющимися боеголовками остаются вне контроля. Чрезвычайно высок установленный потолок числа носителей — даже малой доли от разрешенного предела достаточно для нанесения ужасающего ущерба. Существует большая опубликованная литература о действии ядерного оружия. Я напому поэтому лишь несколько показательных цифр. Взрыв, при котором выделяется такая же энергия, как при взрыве одного миллиона тонн тротила (условно говоря – взрыв «мощностью в одну мегатонну» – таков, по-видимому, взрыв легкого термоядерного заряда ракет типа «Полярис» и подобных ей по грузоподъемности) разрушает строения городского типа на площади около 50 кв. км и сжигает все, что может гореть, на той же площади; убивает, даже при наличии убежищ, сотни тысяч людей. Наземный или относительно низкий взрыв сопровождается выпадением радиоактивных осадков в «радиоактивном следе» по ходу ветра. Осадки состоят из песчинок и пылинок, поднятых с поверхности земли взрывом и «напитавшихся» с поверхности радиоактивными продуктами деления урана. След от мегатонного взрыва создает смертельную дозу облучения (600–1000 рентген, а в центре еще выше) на площади в несколько тысяч квадратных километров. Действие излучаемых в момент взрыва гамма-лучей (которые принесли так много несчастья в Хиросиме и Нагасаки) отступает для мегатонных взрывов на второй план, так как эти лучи поглощаются в воздухе на расстояниях много меньших радиуса действия ударной волны.[...]

Ракетно-термоядерная война — это уже сейчас вошедшая в нашу жизнь весомая мрачная реальность современности, подобная уже осуществившейся реальности Освенцима, ГУЛАГа, голода. Быть может, я ощущаю это острее многих, ведь я более 20 лет вплотную соприкасался с этим фантастически страшным миром. Хотя последние семь лет я не принимаю участия в секретных работах и не имею к ним допуска и технически мои знания, конечно, сильно устарели, но психологический опыт прошедших напряженных десятилетий живет во мне и, как мне кажется, дает мне право и обязывает писать о том, что я думаю, — пусть спорно, но откровенно. Я ни на минуту не могу забыть, что все это время сотни тысяч рабочих, тысячи талантливых инженеров и ученых многих специальностей работают по расширению и усовершенствованию систем нападения, которые труднее всего отразить, — с синхронизированным ударом тысяч ракет с разделяющимися мультимегатонными боеголовками и ложными целями, и по созданию фантастически сложных и дорогих систем обороны, служащих тем же целям войны.

В ноябре 1955 года происходили очень важные испытания термоядерного оружия (в ходе которых произошли трагические события — гибель молодого солдата, заваленного в траншее, и гибель двухлетней девочки, дочери одинокой немки, убитой обрушившейся в бомбоубежище балкой). Вечером после испытания, на небольшом банкете в узком кругу руководителей испытаний и ведущих ученых, я поднял тост за то, чтобы, как я сказал, «наши изделия никогда не взрывались над городами». Проводивший испытания крупный военачальник счел необходимым ответить мне притчей, суть которой сводилась к тому, что задача ученых — укреплять оружие, а как оно будет использовано — это не их забота, не их ума дело. По существу, он сказал то же самое, что несколькими годами позже в более развернутой форме на встрече с учеными в Кремле заявил Н. С. Хрущёв (я уже имел случай писать об этом).

Но и тогда, и сейчас я думаю, что ни один человек не может снять с себя своей доли ответственности за дела, от которых зависит существование человечества.

[...]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

[...] Я считаю необходимым специально подчеркнуть, что являюсь убежденным эволюционистом, реформистом и принципиальным противником насильственных революционных изменений социального строя, всегда приводящих к разрушению экономической и правовой системы, к массовым страданиям, беззакониям и ужасам.

[...] Вот все, что я хотел высказать, точнее, что уместилось на этих страницах. Я писал, как строят современный дом, или, верней, как грач строит свое гнездо, — сначала каркас, затем идут в ход припасенные веточки. Все видимые для строителя дыры заплетены, но неиспользованные веточки еще остались.

Действительность современного мира очень сложна, многопланова. В ней причудливо смешаны трагедия, безысходность, апатия, предрассудки, невежество и динамичность, самоотверженность, надежда, разум. Будущее может быть еще более трагично. Оно может быть и более достойным человека, более добрым и разумным. Но его также может не быть совсем. Все это зависит от всех нас — живущих в СССР, Китае, Индии, США, Египте, Израиле, Таиланде, Италии, Англии, Франции, Японии, Австралии, Голландии, Германии, Сирии, Вьетнаме, Иране., во всех странах мира, от нашей мудрости, свободы от иллюзий и предрассудков, нашей готовности к труду, разумному самоограничению, от нашей активной доброты и общечеловеческой широты. Проявлением такой мудрости должно явиться истинное сближение стран первого, второго и третьего мира, преодоление разобщенности во имя человека и его прав. Будущее разума, научного предвидения и прогресса, будущее общего блага должно осуществиться.

Москва, июнь 1975 г.

Тревога и надежда (1977)

Несправедливость в одном месте земного шара —
угроза справедливости во всем мире.

Мартин Лютер Кинг

[...] Именно «закрытость» обеспечивает экспансионистские, мобилизационные возможности и одновременно антидемократическую стабильность [советского] общества, несмотря на весьма неудовлетворительное, по западным стандартам, решение основных социальных проблем (относительно низкий уровень жизни, особенно жилья, питания и одежды; низкое качество образования и здравоохранения; территориальная неоднородность уровня жизни; огромные преимущества для привилегированного меньшинства и др.). [...] Как работает «закрытость» общества, наглядно проявилось во время вторжения в Чехословакию в 1968 году, когда большинству советского населения очень легко удалось внушить пропагандистские выдумки о реставрации капитализма в ЧССР, об угрозе со стороны немецких реваншистов и т. п. Важнейшее следствие «закрытости» общества – полное отсутствие демократического контроля за деятельностью властей, правящей партийно-государственной верхушки как в области внутренней политики, экономики, охраны среды, социальных проблем, так и в области внешнеполитической. Последнее особенно опасно, недопустимо, если вспомнить, что речь идет о пальце, лежащем на кнопке всеобщей термоядерной войны. Проблема «закрытости» общества вплотную смыкается с проблемой гражданских и политических прав граждан, почти тождественна ей. Именно поэтому вопрос о правах человека – не только нравственный, но и первостепенный практический вопрос международного доверия и

безопасности. Этот тезис на протяжении многих лет является лейтмотивом моих общественных выступлений.

Маркс и его последователи утверждали, что капиталистическая система давно исчерпала свои возможности и что преимущества социалистической системы в области организации производства, производительности труда, уровня жизни трудящихся и полного участия граждан во всех областях управления жизнью общества приведут к вытеснению капиталистической системы. Однако действительность оказалась совсем другой. Расширение социалистической системы, причем в ее тоталитарной форме, действительно имеет место, но вовсе не по причинам этих ее преимуществ и прогрессивного характера. Ведь именно в это время капиталистическая система доказала свою способность к развитию и трансформации. В странах Запада обеспечен невиданный в истории человечества уровень и «качество» жизни, произошли большие сдвиги в социальных областях. Современное капиталистическое общество, с некоторыми оговорками, уже сейчас можно назвать «капитализмом с человеческим лицом». Эти сдвиги, как я считаю, базируются на развитии материального производства, на огромных достижениях науки и техники, создавших изобилие предметов потребления и тем самым снявших остроту проблемы распределения материальных благ. Но не меньшую роль играют также идеи социальной справедливости, прав человека, демократии, проникшие в общественное сознание первоначально из христианства и других религиозных учений, а в последние 100–150 лет — из социалистических учений, в том числе из марксизма.

Можно предполагать, что Запад в ближайшие десятилетия сможет разрешить и такие сложные проблемы, как истощение природных ресурсов, регуляция прироста народонаселения, охрана среды, национальные проблемы, проблемы урбанизации, преступности, наркомании и т. п., причем сделает это демократическим путем, без массового ограничения принципов личной свободы. При этом, как можно предполагать, определенную роль в социальной трансформации западного общества вновь будут играть социалистические идеи, в их плюралистической, антитоталитарной модификации. Это и будет движение Запада в направлении сближения с социалистическим миром. Гораздо более проблематично встречное движение тоталитарного социализма к плюралистическому, его возможность зависит от многих внутренних и внешних условий. Главное из этих условий — преодоление «закрытости» тоталитарно-социалистического общества. [...]

Какой должна быть политика Запада в его отношениях с социалистическими странами в этих новых, более сложных условиях? Мне кажется несомненным, что главной целью «разрядки» является обеспечение международной безопасности. Для этой цели существенны: разоружение, укрепление международного доверия, преодоление закрытости социалистической системы, защита прав человека во всем мире. Эти направления не являются независимыми. Хотя разоружение обладает определенным приоритетом, но оно не может быть достигнуто путем ограничения чисто военными аспектами разрядки. Совершенно недопустимо для западных руководителей создавать видимость успехов в области

разоружения без реальных достижений и таким образом обманывать общественное мнение своих стран, хуже всего – провоцировать таким образом фактически одностороннее разоружение Запада. Эта опасность является реальной как в силу большой засекреченности в социалистических странах, так и из-за недалековидности и внутренних политических маневров некоторых политиков Запада, которые из-за сиюминутных интересов внутривластной борьбы готовы поставить под удар шаткое равновесие в нашем мире. Переговоры о разоружении возможны лишь с позиции равновесия сил. Нельзя исходить из того, что только Запад заинтересован в разоружении, а СССР идет ему навстречу в обмен на экономические льготы, политические и идеологические уступки. Глубинные интересы СССР, задыхающегося от сверхмилитаризации, на самом деле в гораздо большей степени требуют уменьшения военных расходов, сокращения армии и военно-строительных частей и т. д. Для практического ведения дипломатических переговоров чрезвычайно существенно, что идея разоружения стала центральной в советской пропаганде, и этот аспект ее не может быть отставлен в сторону так же легко, как какой-либо договор о торговле или что-либо аналогичное. Поэтому опасения, что выступления в западных странах в защиту прав человека могут повредить переговорам о разоружении, представляются мне несерьезными. Но не менее важно учитывать, что без истинной разрядки, требующей в идеале глубоких внутренних преобразований, фактические масштабы разоружения СССР будут незначительными. Нравственная сила демократической традиции западных стран должна найти свое выражение в спокойной, твердой защите прав человека во всем мире. Защита прав человека в социалистических странах имеет также то значение, что она способствует преодолению закрытости социалистической системы. Торговля, научные и культурные контакты важны сами по себе (особенно для социалистических стран) и как средство продолжения разрядки. Но в определенных рамках они могут быть использованы как средство косвенного давления для достижения основных целей разрядки – разоружения и обеспечения прав человека.

Я хотел бы пояснить и дополнить некоторые из этих конспективно изложенных тезисов.

Прежде всего — о разоружении. Сейчас особенно много говорят об ограничении стратегических вооружений как о первом этапе на пути к их сокращению, а в перспективе к полному запрещению всех видов ядерного оружия. Это абсолютно оправдано, так как уже сейчас ракетно-термоядерное оружие угрожает существованию цивилизации, а в будущем – существованию всего живого на Земле. Кроме того, в ряде отношений переговоры об этом «избыточно мощном» оружии оказываются дипломатически и технически более простыми. Но сейчас, в условиях огромного развития техники, технологии, массового производства, все большую опасность представляют так называемые обычные виды вооружения. Я уже писал неоднократно (в частности, в своей Нобелевской лекции), что для реального достижения международной безопасности необходимо «сбалансированное» разоружение, в котором на каждом этапе сохраняется «детальное равновесие» (термин заимствован из статической физики) всех видов военных сил у всех

противостоящих друг другу потенциальных противников. То есть имеется в виду равенство по отдельности в танках, в живой силе, в ядерном оружии, в авиации и т. д. и равенство по отдельности в каждом стратегическом районе — например, в Европе, на советско-китайской границе, в Индийском океане и т. д. Так как каждая сторона неизбежно будет испытывать соблазн попытаться сохранить преимущества в тех областях, где она его добилась, и одновременно будет пытаться ликвидировать свое отставание в других областях, то любые переговоры по разоружению будут очень сложными и длительными. Но пока идут переговоры, а не война, время работает на нас — я употребил это слово в смысле всех жителей Земли.

О проблеме прав человека. [...]

Весь мир знает об имеющих место в СССР и странах Восточной Европы судебных и внесудебных преследованиях за убеждения и открытые лояльные, но нежелательные властям выступления, о недопустимо суровом режиме в местах заключения, о преследованиях за религиозную деятельность, о противоправных ограничениях свободы выбора страны проживания и места проживания в пределах своей страны и о других нарушениях гражданских и политических прав. Всеобщая декларация прав человека, Пакты о правах человека, имеющие ныне силу международного закона, Заключительный акт Хельсинки являются юридической и политической базой для борьбы с этими нетерпимыми нарушениями.

Я приветствую новую активную позицию, занятую некоторыми парламентами, правительствами и главами государств — участников Хельсинкского совещания, в частности позицию президента США Д. Картера. Картер со всей силой своего авторитета, опирающегося на волю американского народа, провозгласил, что защита прав человека во всем мире основана на высших моральных обязательствах и не может и не должна мешать другим аспектам разрядки. Эта доктрина имеет огромное значение как ответ тем, кто считает открытые и активные выступления в защиту прав человека угрозой разрядке. Я убежден, что можно и нужно пойти далее и принять борьбу за права человека во всем мире важнейшей составной частью всех международных отношений, гарантией их нравственной силы и практического, прочного успеха.

В рамках борьбы за права человека особое значение и моральную обязательность имеет защита узников совести во всем мире, тех, кто принес в жертву высоким и чистым принципам свою судьбу, свои профессиональные и личные интересы и судьбу своих близких.

Высокой и благородной целью борьбы за права человека во всем мире является всемирная политическая амнистия. Несмотря на неудачу первой попытки в 1975 году, мировая общественность должна вновь приложить максимальные усилия, чтобы ООН приняла всемирную политическую амнистию как одну из своих целей.

Защита прав человека не носит политического характера. Она целиком исходит из нравственных принципов и ее связи с защитой мира на Земле. Поэтому все люди доброй воли, безотносительно к их «правым» или «левым» политическим убеждениям, могут и должны принять в ней участие. В

частности, меня радует, что профсоюзы и коммунистические партии некоторых стран начали принимать участие в этой борьбе, – это один из залогов ее эффективности и массовости.

О возможных формах давления с целью обеспечения прав человека. Следует иметь в виду, что решение какого-либо конкретного вопроса прав человека возможно только в том случае, если этот вопрос стал политической проблемой для высших руководителей стран-нарушителей. Разрядка создает разнообразные рычаги для такого давления, которое, «не перегружая корабль разрядки», то есть не угрожая исчезновением ее возможностей, тем не менее доводит конкретные вопросы и общие проблемы до высших сфер управления. Эти рычаги — в руках правительственных и законодательных инстанций, но также и всех неправительственных организаций и граждан, участвующих в контактах, — фирм, научных ассоциаций, профсоюзов, рабочих, ученых, деятелей культуры. Речь, конечно, идет не о шантаже, а о согласовании интересов, что всегда составляет неперемное условие преодоления конфронтации. Безусловно не угрожают разрядке такие меры, как частичный временный бойкот научных или культурных контактов или временное прекращение поставок каких-либо видов оборудования, или забастовка портовых рабочих и т. п. Другой пример более общего характера — поправка Джексона — Вэника. Она, как известно, имеет своей целью предупредить нарушения важнейшего права на эмиграцию; так как это поправка к американскому закону о торговле, то ее нельзя считать вмешательством во внутренние дела других стран и угрозой разрядке.

Говоря о торговых, промышленных и вообще экономических отношениях, советская пропаганда обычно подчеркивает их взаимовыгодный характер. К этим утверждениям следует относиться с осторожностью. Конечно, вырвавшись вперед и растолкав конкурентов, отдельная западная фирма или страна получает временные выгоды (примеры известны), но в целом именно СССР и страны Восточной Европы жизненно заинтересованы в приобщении к техническому опыту, кредитам и т. п. И будет совершенно непростительно, если Запад не использует этого для достижения глобальных целей преодоления закрытости советского общества как главного препятствия на пути к истинной разрядке, обеспечения международной безопасности, обеспечения прав человека.

Я, однако, считаю недопустимым по моральным соображениям использование в качестве средства давления продовольственную помощь. Это замечание не относится к тем случаям, когда продовольственная помощь используется в спекулятивных целях или для пополнения мобилизационных запасов. Совершенно недопустимо, с моей точки зрения, обуславливать какими-либо условиями переговоры о разоружении, которые должны иметь абсолютный приоритет.

Концепция активной международной защиты прав человека, положенная в основу Всеобщей декларации прав человека, Пактов о правах человека, Заключительного акта в Хельсинки, устава «Эмнести интернэшнл», устава Международной лиги прав человека и многих других международных документов и общественных движений современности, сейчас приобрела

значение международной идеологии. Дискуссии по поводу этой концепции становятся все более широкими, по мере того как растет число ее сторонников. Особенную остроту они приобрели в последние месяцы, после того как президент США и новая администрация официально провозгласили эту концепцию составной частью своей глобальной политики в США и во всем мире. Наряду с приветственными и ободряющими голосами усилились голоса сомнения и даже яростного отрицания. Такова, в частности, официальная реакция в социалистических странах — со ссылкой на недопустимость «вмешательства во внутренние дела» и подкрепляемая вызывающим и жестоким усилением репрессий против инакомыслящих. На Западе отрицательная реакция исходит либо от очень недалёковидных людей, не понимающих взаимосвязи мировых проблем, а в конечном счете и их местных проблем с защитой прав человека, или от людей, корыстно или политически заинтересованных в потакании советскому диктату. Возникла действительно критическая ситуация, когда определяется характер международных отношений на длительный период, судьба многих и многих жертв нарушений прав человека и, как я пытался показать, прочность разрядки и международная безопасность. В этих условиях от политических лидеров, принявших на себя ответственность за судьбы мира, требуется исключительная последовательность позиции, широта и смелость решений, ясное понимание ситуации.

Политические лидеры, все люди на Западе должны знать, что любое проявление слабости или непоследовательности самым тяжелым образом скажется на судьбе многих людей, в том числе на судьбе инакомыслящих в СССР и странах Восточной Европы, которые сейчас принимают на себя лобовой удар репрессий. К сожалению, даже в самое последнее время имели место подобные неточности политической линии, имевшие тяжелые последствия.

Лидеры социалистических стран в свою очередь должны понимать, что здравый смысл, чувство ответственности, стремление к стабильности в мире, престижные соображения диктуют им необходимость сделать решительные шаги навстречу требованиям всего мира.

Инакомыслящие требуют соблюдения прав человека, демократизации в рамках существующей системы и выполнения принятых международных обязательств; они принципиально отвергают насилие. Их голос не доходит до тех, кто вправе принять важные решения; лишь репрессии служат ответом на их призывы. Поэтому общественность Запада, его политические лидеры, вступая в диалог с руководителями социалистических стран, на самом деле представляют не только свои народы, но и тех, кто лишен голоса в своей стране.

Эпиграфом к этой статье я взял слова лауреата Нобелевской премии Мира Мартина Лютера Кинга. Мне кажется, что они лучше всего выражают важную для меня мысль, стержень всей статьи.

Надежда человечества — активные, открытые, умные действия людей доброй воли во всем мире, вдохновляемые высокими моральными принципами. Произволу, беззаконию, ограничению прав человека не должно

быть места на планете, так же как войне, голоду и бедности. Таковы высшие интересы всех нас вместе и каждого в отдельности.

Москва, 9 марта 1977 г.

Тревожное время (1980)

Я хочу высказать некоторые мысли по волнующим меня вопросам так, как они видятся мне из глубины СССР из закрытого для иностранцев города Горький, где я живу под неусыпным надзором КГБ.

I. Международные вопросы

[...] для оценки ситуации очень важны особенности СССР – закрытого тоталитарного государства с фактически милитаризованной экономикой и бюрократически-централизованным управлением, которые делают его усиление относительно более опасным. В более демократических странах каждый шаг в области вооружения подвергается гласному бюджетному и политическому обсуждению, проходит под контролем общественности. В СССР все решения такого рода принимаются в тиши кабинетов — мир узнает о них, лишь оказавшись перед свершившимся фактом. Еще серьезней, что это же самое относится к внешней политике, к вопросам войны и мира. [...]

И все же я считаю, что вопросы войны и мира, вопросы разоружения так важны, что и в самой трудной ситуации они должны иметь абсолютный приоритет и нужно использовать все существующие возможности для их решения, готовить почву для дальнейшего продвижения в будущем. И в первую очередь для предотвращения ядерной войны – основной опасности современного мира. В этом совпадают цели всех ответственных людей на Земле, в том числе, как я считаю и надеюсь, и советских руководителей, несмотря на проводимую ими опасную экспансионистскую политику, несмотря на их цинизм и на владеющие ими догматические предрассудки и чувство неуверенности, часто не позволяющее им проводить более реалистическую внутреннюю и внешнюю политику. [...]

II. Проблемы Запада

Тоталитарный строй ведет свою политику, руководя ею из единого центра: дипломатия, служба информации и дезинформации внутри и вне страны, международная торговля, туризм, научно-технический обмен, экономическая и военная помощь освободительным движениям (в некоторых случаях этот термин надо поставить в кавычки), внешняя политика зависимых стран, всевозможные тайные действия — все это координируется из единого центра. На тайных действиях надо остановиться особо — человеку

свойственно забывать о том, что не бросается в глаза. Запад и развивающиеся страны наводнены людьми, которые являются фактическими проводниками влияния и интересов советской экспансии. Часть из них — по идейным, заслуживающим обсуждения мотивам. Ведь и в СССР, в ее эпицентре, и в Китае коммунистическая идеология не представляет собой чистого обмана, чистого заблуждения — она возникла из стремления к истине и справедливости, как и другие религиозные, этические и философские системы, и ее слабость, грехопадение и деградация, проявившиеся с ее первых шагов, — сложное историческое, научное и психологическое явление, которое требует отдельного анализа. Другая часть ведет себя «прогрессивным» образом, потому что это выгодно, престижно, модно. Третья часть — наивные и плохо информированные люди или равнодушные, закрывающие глаза и уши на горькие истины и охотно поглощающие сладкую ложь. И, наконец, четвертая часть — люди подкупленные в прямом смысле этого слова (не всегда деньгами). Это — некоторые политические деятели, бизнесмены, очень многие писатели и журналисты, советники государственных учреждений, хозяева прессы и телевидения. В общем — заметная прослойка влиятельных людей. Не могу удержаться, чтобы не рассказать то, чему мы с женой были свидетелями. Два крупных и влиятельных американских ученых, когда они приехали на конференцию в СССР, получили в конвертах деньги на личные расходы и из вежливости и чувства стеснения не смогли от них отказаться — они передали в некоей растерянности эти деньги нам для помощи безработным ученым. Но о скольких аналогичных случаях мы просто не знаем? Конечно, есть множество шпионов, тайных агентов, организаторов диверсий. Это-то есть не только у СССР, но у тоталитарного строя и тут есть особые возможности. В частности, нельзя сходу скинуть со счета высказываемые некоторыми авторами предположения о связях КГБ и органов безопасности зависимых стран с международным терроризмом. Отсутствие прямых доказательств таких связей, а также опасения дальнейшего обострения обстановки заставляют правительства западных стран не вдаваться в этот деликатный вопрос.

Объединение всех сил — одно из преимуществ тоталитаризма в его общемировом наступлении, представляющем угрозу плюралистическому Западу. Что же Запад противопоставляет этому вызову? Конечно, в исторической перспективе, в условиях мирного и спокойного развития плюралистические свободные структуры более жизнеспособны и динамичны. Поэтому будущее — на путях плюралистической конвергенции контролируемого научно-технического прогресса.

Но миру предстоят очень трудные времена, жестокие катаклизмы, если Запад и определяющие свое место в мире развивающиеся страны не смогут уже сейчас проявить должную стойкость, единство и последовательность в сопротивлении тоталитарному вызову. Это относится к правительствам, интеллигенции, бизнесменам, ко всему населению. Необходимо осознание чувства общей опасности — остальное, я думаю, придет, тут я верю в западного человека, в его практический, деловой и одновременно устремленный к крупным целям ум, в его доброжелательность и решительность. [...]

Одна из причин, ослабляющая позиции Запада, — это зависимость от поставок нефти («роковая зависимость» — как однажды сказал один из американских руководителей). Именно в это чувствительное место нацелена геополитика СССР. В этой обстановке Запад не может позволить себе отказаться от ядерной энергетики, дающей возможность технического и экономического «маневра». Опасения по части безопасности и загрязнения среды не должны относиться к принципиальному вопросу — строить или не строить, а лишь — как строить. Цена — в виде загрязнения среды и ожидаемого риска в расчете на данное количество энергии — для угля и нефти больше, чем для ядерной энергетики. Конечно, и другие новые и старые независимые от нефти источники энергии должны развиваться, включая уголь, несмотря на его экологические минусы, и должна быть осуществлена строжайшая экономия электроэнергии и тепла. Малолитражки, хороший общественный транспорт, утепление домов, теплофикация и особенно внедрение в промышленность технологических процессов, экономящих электроэнергию — все это должно стать реальностью. Западный избиратель должен требовать это от руководителей государств, и не позволять демагогическим деятелям злоупотреблять этой проблемой.

III. Репрессии в СССР. Некоторые мысли о наших внутренних проблемах

Защита прав человека стала общемировой идеологией, объединяющей на гуманной основе людей всех национальностей и самых различных убеждений. Я очень высоко ценю деятельность «Эмнисти Интернейшнл», ее борьбу за освобождение узников совести, против пыток и смертной казни; деятельность Международной лиги прав человека; деятельность правозащитников в Восточной Европе, Китае и в других странах, где она протекает в условиях жесточайших репрессий и требует огромного мужества.

В СССР движение за права человека сформировалось в своем современном виде к концу 60-х годов, когда начала выходить «Хроника текущих событий» — анонимный самиздатский журнал, беспристрастно и безоценочно рассказывающий о нарушениях прав человека в СССР. Несмотря на тяжелые репрессии, журнал выходит до сих пор, уже вышло 54 номера. Тогда же появились первые открытые обращения Инициативной группы. Движение в защиту прав человека не преследует никаких политических целей, его участники не стремятся к приобретению политической власти, гласность — их единственное оружие. Чрезвычайно важно принципиальное ограничение ненасильственными методами. Такая позиция естественна в стране, прошедшей через все круги ада насилия. Призыв к новым революционным переворотам или к интервенциям был бы безумием и страшным преступлением в неустойчивом мире, стоящем в нескольких шагах от термоядерной пропасти. Участники движения открыто выступают за права людей в тех случаях, когда им становится известно об их нарушении, и информируют общественность. Они также ставят своей задачей восстановление исторической правды о судьбе общества и отдельных лиц, если она искажена официальной пропагандой. Они помогают семьям жертв

репрессий. Я убежден, что необходимо именно такое — чисто нравственное — движение, подготавливающее в сознании людей основы демократических, плюралистических преобразований, необходимых стране, нужных всему человечеству ради мира на Земле.

Десятилетия тотального террора, старые и новые предрассудки, приманка относительного благосостояния после поколений разрухи (конечно, весьма ограниченного благосостояния, не выдерживающего никакого сравнения с благосостоянием и свободой трудящихся на Западе и с привилегиями элиты в СССР), постоянная необходимость «ловчить», «комбинировать», нарушать правовые нормы — все это глубоко изуродовало сознание самых широких масс населения. Идеология советского мещанина (я говорю о худших, но, к сожалению, довольно типичных и для рабочих и крестьян, и для широкой интеллигенции) состоит из нескольких несложных идей:

1. Культ государства, в котором соединяется в разных комбинациях преклонение перед силой, наивная уверенность, что на Западе хуже, чем у нас, благодарность «благодетелю»-государству и в то же время страх и лицемерие.
2. Эгоистическое стремление обеспечить свое и своей семье благополучие, «живя как все» — с помощью блата, воровства, покрываемого начальством, и обязательного лицемерия. Но одновременно — у лучших — есть желание добиться этого благополучия своим трудом, своими руками, но при этом оказывается, что все равно надо ловчить и лицемерить.
3. Идея национального превосходства. Тяжелые, истерические и погромные формы принимает у некоторых русских, но и не только у них. Как часто приходится слышать — тратимся на этих черных (или желтых) обезьян, кормим дармоедов. Или — во всем виноваты эти евреи (или — русские, грузины, чучмеки — т.е. жители Средней Азии). Это очень тревожные симптомы после 60 лет провозглашаемой «дружбы народов».

[...] в пропаганде внутри страны усиленно эксплуатируется общенародная трагедия войны и та гордость, которая связана у людей с их активным участием в исторических событиях того времени. Ирония жизни в том, что только во время войны рядовой человек чувствовал свою значительность и человеческое достоинство в нечеловеческом мире террора и унижений. Усиленно эксплуатируется угроза войны, пресловутые американские базы, окружившие нашу страну, культивируется чувство подозрительности к проицам «империалистов». Народ, переживший страшные потери, жестокости и разрушения войны, больше всего хочет мира. Это всеобщее, наиболее глубокое, сильное и чистое чувство. Сегодня руководители страны не идут и не могут идти против этого самого главного импульса людей. Я хотел бы верить, что тут они искренни, тут они из автоматов власти становятся людьми.

Но и стремление людей к миру эксплуатируется, и это, быть может, самый страшный обман. Оно используется для оправдания всего негативного в нашей жизни — экономических неурядиц, сверхмилитаризации, для оправдания якобы «защитных» внешнеполитических акций — будь то Чехословакия или

Афганистан, для оправдания закрытости и несвободы общества, для оправдания экологических безумств – уничтожения Байкала, лугов и пашен, рыбных богатств страны, отравления воды и воздуха.

Население страны безропотно принимает все нехватки (то есть дома-то оно ропщет) — мяса, масла, многого другого, терпит вопиющее социальное неравенство элиты и народа, терпит произвол и жестокость властей на местах (все знают об избиениях и гибели людей в милиции, но обычно молчат). Молчат при несправедливых расправах над инакомыслящими (иногда злорадствуют), молчат при любых внешнеполитических акциях. Страна, живя десятилетия в условиях, когда все средства производства принадлежат государству, испытывает серьезные экономические и социальные трудности, не может самостоятельно прокормить себя, не может — без использования привилегий разрядки – осуществлять научно-технический прогресс на современном уровне. С момента написания мной книги «О стране и мире» средняя зарплата возросла, но стоимость жизни возросла, видимо, еще сильнее, поэтому уровень жизни никак не возрос. Все хуже становится хваленое бесплатное здравоохранение («бесплатное» за счет низкого уровня зарплаты основной массы трудящихся и с весьма платными лекарствами). Немногим лучше с образованием, в особенности в сельских местностях. Все эти трудности уже нельзя сваливать на последствия войны или случайные ошибки. Жизненно нужны экономические реформы, при которых будет увеличена самостоятельность хозяйственных предприятий и будут допущены элементы смешанной экономики. Нужны большая свобода информации, свободная критическая пресса, свобода поездок людей за рубеж и свобода эмиграции, свобода выбора места проживания внутри страны. В перспективе, вероятно, нужны многопартийная система и устранение партийной монополизации всей идеологической, политической и экономической жизни. Но все это – ясное, с вариациями, очень многим – остается пока благим пожеланием. Чиновные догматики и новый, приходящий им на смену слой – безымянные цепкие циники, снующие в бесчисленных «коридорах власти» отделов ЦК, КГБ, министерств, обкомов и райкомов, — толкают страну на более безопасный с их точки зрения, а на самом деле самоубийственный путь – оставить все по-старому в созданной при Сталине системе власти и экономики, продолжать гонку вооружений, прикрывая ее словами о миролюбии, «подбирать» все, что плохо лежит в мире, — для поднятия престижа и общего усиления и чтобы не ржавели пушки — от Эфиопии до Афганистана; ликвидировать инакомыслящих, вернув страну к спокойному «додиссидентскому» периоду (выражение моего зятя Е. Янкелевича).

Последние 10–15 лет отмечены углублением традиционной русской беды — пьянства. Власти, предпринимая — больше на словах — кое-какие робкие полумеры, фактически не могут ничего сделать реально. Алкоголизм — явление всемирное, и не все зависит от наших условий. Но большую роль играют и специфические причины. Траты на выпивку снижают избыточную покупательную способность населения, а самое главное – пьяный не страшен государству, и выпивки — это единственная реальная свобода, и отнять ее, ничего не давая взамен, власти не решаются. Так что тут есть и экономические,

и социальные, и психологические причины. И вот результат – вместо сухого вина и даже «доброй старой» водки на рынок выбрасываются потоки дешевого ядовитого крепленого вина — известного под названием «бормотуха», быстро губящего и мужиков, и женщин, и подростков. Как говорил «тишайший» Алексей Михайлович 300 лет назад — «питухов от кабаков не отгонять».

Люди в стране, конечно, в какой-то степени дезориентированы и запуганы, но очень существенен также сознательный самообман и эгоистическое самоустранение от трудных проблем. Лозунг «Народ и партия едины», украшающий каждый пятый дом, — не вполне пустые слова. Но из этого же народа вышли защитники прав человека, ставшие против обмана, лицемерия и немоты, вооруженные только авторучками, с готовностью к жертвам и без облегчающей веры в быстрый и эффектный успех. И они сказали свое слово, оно не забудется, за ним моральная сила и логика исторического развития. Я убежден также, что их деятельность будет продолжаться в той или иной форме, в том или ином объеме. Дело тут не в арифметике, а в качественном факте прорыва психологического барьера молчания. Но история развивается по своим медлительным (и мучительным) законам. Сейчас мы переживаем трудные, тревожные времена обострения международной напряженности, советской экспансии, беспардонной антиамериканской, антизападной и антиизраильской и антиегипетской пропаганды, угрозы еще большего обострения.

А внутри страны — времена усиления репрессий. Ужасно думать, что самые честные и широкие люди, отдавшие многие годы защите других людей свободным словом, стали жертвой незаконных репрессий. [...]

IV. О себе

Я живу в квартире, около дверей которой день и ночь дежурит милиционер, не пуская никого, кроме членов нашей семьи, одного нашего старого друга, живущего в Горьком (ценой его общения с нами являются вызовы на беседы в КГБ после каждого посещения), горьковского физика-отказника, который также должен общаться с КГБ после визитов к нам, а кроме этого — практически лишь угодных КГБ редких посетителей. В квартире нет телефона, но и с почты я не могу позвонить в Москву или Ленинград – телефон немедленно выключается по распоряжению следующих за мной постоянно агентов КГБ. Я получаю очень мало писем — в основном «перевоспитывающие» или просто ругающие меня (интересно, что и с Запада я получаю такие же). Однако с Запада приходят иногда и открытки с добрыми словами, и я очень благодарен их авторам. Когда я провожал свою тещу в Москву, агенты КГБ демонстративно с пистолетами в руках преградили мне путь к вагону – чтобы я знал, что запрет выезжать за пределы черты города – не пустые слова. В доме специально для меня установлена «глушилка», и, чтобы слушать радио, нам с женой приходится по ночам ходить по улице с транзистором (пока мы так «гуляем», агенты портят в квартире пишущую машинку, магнитофон или роются в бумагах). Я занимаюсь научной работой, но страдаю от отсутствия постоянного общения с коллегами. В конце третьего

месяца моего пребывания в Горьком, накануне приезда в Москву западных участников неофициального научного семинара, органы КГБ разрешили моим сослуживцам из Физического института Академии наук посетить меня (даже порекомендовали). Я очень благодарен посетившим меня коллегам – ведь мне так давно не с кем было поговорить о научных новостях. Во время их пребывания милицейский пост отодвинули подальше от дверей, «глушилку» выключили, но, когда они уехали, обещав, что со временем придет кто-либо еще, все стало по-прежнему. Возобновились и постоянные вызовы в МВД для регистрации.

В бытовом отношении мое положение много лучше, чем у моих друзей, приговоренных к ссылке или тем более к лагерю или тюрьме. Но все примененные ко мне меры не имеют даже видимости законности, это часть общей жестокой кампании против инакомыслящих, попытка заставить меня замолчать и облегчить расправу над другими.

22 января агенты КГБ насильно привезли меня к заместителю Генерального Прокурора СССР Рекункову, который объявил мне о лишении наград и высылке, при этом он предъявил Указ Президиума Верховного Совета СССР только о наградах, создав, однако, впечатление, что Указ относится и к высылке. Но это не так, и я до сих пор не знаю, какое учреждение, кто персонально принял это решение. На все запросы следует молчание. В любом случае решение является незаконным и антиконституционным. В двух письмах Рекункову и в телеграмме Председателю КГБ Андропову я заявил, что требую отмены незаконного решения о моей незаконной высылке и готов предстать перед открытым судом.

В последние месяцы в советской прессе появилось много статей, в которых меня обвиняют во всех «смертных» грехах — в презрении к народу и его стремлениям, в клевете на наш строй, в подстрекании гонки вооружений, в преклонении перед американским империализмом и в разглашении военных тайн. Я не буду здесь еще раз отвечать на эти обвинения. Частично ответ — эта статья. В самом же сжатом виде моя позиция изложена в моем первом заявлении из Горького. Вся моя деятельность исходит из желания свободной и достойной судьбы нашей стране и нашему народу и всем странам и народам на Земле. Я считаю США исторически определившимися лидером необходимого человечеству движения к плюралистическому свободному обществу, но я равно уважаю все народы с их вкладом в нашу общую цивилизацию и ответственностью перед будущим.

В апреле в Москву приезжал президент Нью-Йоркской Академии наук доктор Лейбовиц. Он передал президенту Академии наук СССР академику Александрову требование американских ученых об отмене моей высылки и разрешения мне вернуться в Москву или, если выражу такое желание, выехать на Запад. Но Александров ответил, что высылка — в моих интересах, так как я окружен в Москве «сомнительными личностями», через которых происходит утечка информации, составляющей государственную тайну. Это заявление совершенно возмутительно. Я не имею дела ни с какими «сомнительными личностями», мои друзья — честные, достойные люди, все они известны КГБ, и если бы имело место разглашение государственных тайн, виновные (и я в

первую очередь) должны были бы предстать перед судом. Но обвинение в разглашении — клевета. Станным был также ответ о выезде из СССР: «Мы заключили договор о нераспространении ядерного оружия и строго его соблюдаем». Как будто я — готовая водородная бомба!

Мне часто задают вопрос, готов ли я эмигрировать. Я считаю, что усиленное обсуждение этого вопроса в печати, многочисленных передачах зарубежного радио — несвоевременно и вызвано жаждой сенсации. Я признаю за каждым право на эмиграцию и в принципе не делаю исключения для себя, но этот вопрос сейчас не стоит для меня, так как решение его не от меня зависит.

Требования моих зарубежных коллег отменить мою высылку и дать мне возможность вернуться домой или выехать на Запад я считаю справедливыми и законными, защищающими мои права не только как ученого, но и как человека. Я глубоко благодарен им и за заботу, и за четкость сформулированных требований.

Эту статью в Москву повезет моя жена, мой постоянный помощник, делящая со мной высылку и принимающая на себя немалые трудности поездок, моей связи с внешним миром и все возрастающую ненависть КГБ, и ранее концентрировавшего на ней яд клеветы и инсинуаций в еще большей степени, чем на мне, — немаловажную и облегчающую роль для внутреннего употребления играет то, что я русский, а она наполовину еврейка.

Недавно к моей теще в половине шестого утра явился некто, отрекомендовавшийся сотрудником КГБ. Он угрожал, что, если ее дочь, то есть моя жена, не прекратит своих разъездов из Горького и обратно и подстреканий мужа к антисоветским выступлениям, они примут свои меры. Некоторые наши друзья уже до этого получили письма с подобными угрозами в адрес моей жены. Каждый раз, когда моя жена уезжает, я не знаю, сможет ли она беспрепятственно доехать и вновь благополучно вернуться ко мне. Сегодня моя жена, хотя она формально свободна, находится в большей опасности, чем я. Тех, кто выступает в мою защиту, я прошу помнить об этом. Что еще ждет нас, предсказать невозможно. Единственная наша защита – гласность, внимание друзей во всем мире к нашей судьбе.

4 мая 1980 года Горький

Ответственность ученых (1981)

Ученые в современном мире в силу интернационального характера науки образуют единственное пока реально существующее международное сообщество. Это несомненно так в профессиональном плане: уравнение Шредингера или формула $E=mc^2$ одинаково справедливы на всех континентах. Но международная интегрированность научного сообщества неизбежно выходит и должна выходить в еще большей степени за узко профессиональные рамки, охватывая широкий круг нравственных и общечеловеческих проблем.

Ученые, инженеры, специалисты обладают — в силу профессиональных знаний и особенностей положения — широким и глубинным пониманием возможностей применения на благо людям достижений науки и технологии и одновременно связанных с этим опасностей и в какой-то мере пониманием или стремлением к пониманию позитивных и негативных тенденций и возможных последствий прогресса в целом. Колоссальны резервы использования современных достижений физики, химии и биохимии, технологии и инженерии, компьютерной техники, медицины и генетики, физиологии и научной гигиены, микробиологии, в том числе промышленной, новых принципов организации промышленности и сельскохозяйственного производства, психологии и других точных и гуманитарных наук. Еще большего можно ждать от науки и технологии в будущем. Долг всех нас — всемерно способствовать полной реализации этих достижений и дальнейшему их развитию в мире, где жизнь большинства людей все еще очень тяжела, где столь многим угрожают голод, ранние болезни и преждевременная смерть.

Но ученые и специалисты не могут не думать и об опасностях неконтролируемого прогресса, в частности неконтролируемого промышленного роста, и в особенности об опасностях военного применения достижений науки. Широкие общественные дискуссии связанных с научно-техническим прогрессом вопросов — ядерной энергетики, демографического взрыва, генной инженерии, защиты среды обитания от последствий промышленного роста, защиты воздуха, флоры и фауны, рек и озер, морей и океанов, влияния на людей средств масс-медиа — часто ведутся на низком уровне информации, с предвзятостью и под влиянием политических страстей, а иногда просто недобросовестно — но они отражают реальные и серьезные проблемы. Поэтому долг специалистов — непредвзятое и максимально широкое рассмотрение всего комплекса проблем с обязательным доведением всей общественно значимой информации до населения, причем только в пересказах, а и из «первых рук». Очень показателен пример дискуссий по ядерной энергетике, столь важной в современных условиях. Как мне уже приходилось писать по моему мнению, в этом вопросе на Западе возник крайне вредный перекос в сторону преувеличения ее опасностей.

С некоторыми существенными оговорками (в особенности относящимися к тоталитарным странам) ученые обладают не только большей информированностью, но и большей независимостью и свободой, и стремятся к этому. Но свобода всегда предполагает и ответственность. Ученые и специалисты имеют сейчас или могут иметь огромное влияние на общественное мнение и влияние на органы власти (не следует его переоценивать, но оно существует). Понимая так положение ученых в современном мире, я убежден в их особой ответственности — и в профессиональном, и в общественном плане. При этом часто трудно разделить первое и второе — уже информационная деятельность ученых, популяризация научных знаний, предложения или предупреждения носят такой смешанный профессионально-общественный характер.

То же самое относится к роли ученых в проблемах разоружения — в выработке программ и участию в международных переговорах, в обращениях

к властям и гражданам с относящимися сюда идеями, опасениями и предложениями. Это отдельная, чрезвычайно важная тема, требующая глубокого, всестороннего и научно смелого подхода. Она требует более подробного освещения. Здесь я скажу лишь в тезисной форме, что считаю разоружение необходимым и возможным единственно на основе стратегического равновесия, я считаю необходимыми дальнейшие соглашения о всех видах оружия массового уничтожения и при достижении стратегического равновесия в области обычных вооружений с учетом всей совокупности политических, психологических и географических факторов, при условии прекращения тоталитарной экспансии — соглашения об отказе от первого применения ядерного оружия и — в перспективе — запрещении его.

Другая тема, к которой я перейду, — международная защита прав человека — также тесно связана с проблемой мира, с установлением доверия и взаимопонимания между странами. Свобода убеждений и информационного обмена, свобода передвижения — необходимое условие реальной подконтрольности власти, предупреждающее злоупотребления ею во внутренних и международных делах. [...]

Более года назад я без суда выслан в Горький и подвергнут режиму почти полной изоляции. Недавно органы КГБ совершили кражу моих рукописей и дневников с выписками из научных книг и журналов. Это новая попытка лишить меня всякой возможности интеллектуальной жизни, на этот раз даже наедине с самим собой, лишить меня памяти. Свыше трех лет без каких-либо оснований задерживается в СССР жена сына Елизавета Алексеева. Я пишу об этом ввиду полной незаконности всех этих действий и потому, что задержание Лизы — неприкрытый шантаж в отношении меня, государственное заложничество.

Я обращаюсь к ученым всего мира с призывом к защите репрессированных. Я считаю, что в защите безвинных допустимы, а во многих случаях необходимы такие чрезвычайные меры, как прекращение научных контактов и другие формы бойкота. Наряду с этим я призываю использовать все возможности гласности и дипломатии. Обращаясь к руководителям СССР, следует учитывать, что они обычно не знают, да и не стремятся, вероятно, знать о большинстве адресованных им писем и обращений; поэтому особое значение приобретают личные ходатайства государственных деятелей Запада, встречающихся с ними, и необходимо, используя влияние ученых в своих странах, добиваться таких ходатайств.

Я надеюсь, что тщательно продуманные и организованные действия в защиту репрессированных будут способствовать облегчению их участи, способствовать укреплению международного научного сообщества, его авторитета и действенности.

Я назвал это письмо «Ответственность ученых». Великанова, Орлов, Ковалев и многие, многие другие [ученые-правозащитники] решили вопрос ответственности для себя, встав на путь активной и самоотверженной борьбы за права человека, за гласность. Их жертвы огромны, но не бесполезны. Именно эти люди меняют что-то в лучшую сторону в нравственном облике нашего мира. Другие их коллеги в тоталитарных странах не нашли в себе сил для такой

борьбы, но многие из них стараются честно выполнить свой профессиональный долг. Действительно, надо профессионально работать. Но не пора ли этим ученым, в узком кругу часто показывающим много понимания и нонконформизма, проявить свое чувство ответственности более общественно значимым способом, более открыто — в таких вопросах хотя бы, как открытая защита своих репрессированных коллег, открытый контроль за реальным соблюдением законов страны и выполнением ее международных обязательств. И, безусловно, для каждого истинного ученого необходимо сохранить тот запас мужества и честности, который дает возможность противостоять соблазнам и привычкам конформизма. Мы здесь знаем, к сожалению, слишком много примеров обратного — иногда под предлогом сохранения лаборатории или института (обычно фальшивым), иногда — ради продвижения, иногда — ради возможности съездить за границу (главная приманка в такой закрытой стране, как наша). А ведь разве не позорное действие совершают коллеги Юрия Орлова, тайно исключая его из Академии наук Армении, и другие коллеги из Академии наук СССР, закрывающие на это глаза, как и на то, что он находится на грани физической смерти? Возможно, что рано или поздно многие активные или пассивные соучастники подобных дел толкнутся с возросшими аппетитами Молоха. Хорошего в этом мало, лучше избежать!

Для ученых Запада нет ни угрозы тюрьмы и лагеря за общественную деятельность, ни приманки заграничной поездки за отказ от нее. Но ответственность от этого не становится менее острой. Среди какой-то части западной интеллигенции распространено предубеждение против общественной деятельности, как политики. То, о чем я пишу здесь, — не борьба за власть и поэтому не политика. Это борьба за сохранение мира и нравственных ценностей, выработанных всем развитием цивилизации. Пример и судьба узников совести показывают, что защита справедливости, международная защита конкретных жертв насилия, защита высших интересов человечества – долг каждого ученого.

Горький, 24 марта 1981 г.

С мыслью можно бороться только мыслью (1988)

Понятие правового государства означает, во-первых, главенство, примат закона. Все инстанции, все государственные органы, все лица, какие бы высокие посты они ни занимали, в равной мере со всеми гражданами подчинены в первую очередь закону. Законы, в свою очередь, полностью соответствуют Конституции, не противоречат ей и полностью соответствуют международным нормам, международным обязательствам страны... Международные обязательства должны иметь известный примат, возможна прямая ссылка на них даже при принятии судебных решений. И должен быть установлен надлежащий конституционный контроль: конституционный суд или какая-то другая аналогичная инстанция, следящая за соответствием

законов Конституции и международным обязательствам. Может быть, таким органом станет Комитет конституционного надзора, предусмотренный проектом изменений в Конституции. Вся система обжалования судебных решений тоже нуждается в пересмотре. Впрочем, важно даже просто повысить культуру судопроизводства, равно как и культуру ведения следствия; любые нарушения закона в ходе следствия надо выявлять. Следствие, которое проводилось незаконными методами, надо объявлять незаконным. Необходимо установить, что признание обвиняемого не имеет никакой юридической силы. Тогда следователь и не будет добиваться признания. А ведь к нему часто понуждают незаконными методами.

В правовом государстве должны быть безусловно защищены права его граждан.

Свобода убеждений. У нас в уголовном кодексе были, есть и сейчас статьи, по которым люди осуждались за убеждения, за ненасильственные действия, связанные с убеждениями. Значительная часть этих людей сейчас освобождена. В местах лишения свободы остались единицы.

Все узники совести должны быть освобождены и реабилитированы — это совершенно необходимо для того, чтобы наше государство могло считаться правовым.

Важно также, как будут записаны соответствующие статьи в новом уголовном кодексе. Имеются лишь отрывочные сведения о том, как он составляется. Статья 1901, по-видимому, будет исключена — об этом писали в советской прессе. Что касается статьи 70, то у меня есть сведения, что она будет сформулирована неоднозначно и будет допускать преследования за убеждения. Кроме того, в проекте новой статьи содержится особая часть, в частности, о действиях повторных, в ней же выделены действия, совершенные гражданами якобы по подстрекательству из-за рубежа (или лицами иностранного происхождения). Такого рода дополнительные пункты в этой статье недопустимы, могут привести к злоупотреблениям. Думаю, необходимо четко сформулировать: уголовное преследование за убеждения и связанные с убеждениями ненасильственные действия недопустимо. Я думаю, что это должно быть отражено в Основах уголовного законодательства СССР. А статьи уголовного кодекса должны находиться в полном соответствии с основами законодательства и не допускать неоднозначного толкования...

Я думаю, что и «религиозные» статьи следует так сформулировать, чтобы не допустить преследования за ненасильственные действия, связанные с вероисповеданием и религиозными убеждениями.

Свобода выбора страны проживания. Советское право, во всяком случае, советская практика провозглашает, что у нас эмиграция возможна лишь в порядке воссоединения семей и поэтому требуются так называемые вызовы. По-моему, это неправомерное требование. Международные документы, такие, как Всеобщая декларация прав человека и Пакты о правах человека, ратифицированные Советским Союзом, подразумевают ничем не ограниченное право выбора страны проживания. Неограниченное в том смысле, что не требуется никаких других условий, кроме желания гражданина. И требовать вызова — неправомерно. Естественно, что в тех случаях, когда

выезд человека затруднен по соображениям государственной безопасности, власти имеют право ему отказать. Это естественное условие, которое должно предусматриваться и советским законодательством. Но ведь у нас не существует никакой регламентированной и гласной процедуры определения секретности. Не существует никаких официальных норм, не определены сроки, в течение которых действуют ограничения по секретности. Все это должно быть строго легализовано, должно допускать возможность судебного обжалования решения, отказ должен быть аргументирован.

Свобода митингов и демонстраций. Верховный Совет СССР значительным большинством голосов утвердил Указы, ограничивающие свободу митингов и демонстраций и предоставляющие чрезвычайные права внутренним войскам МВД. На основании этих законов (а ранее — Указов) уже сейчас разгоняются мирные митинги и демонстрации, людей избивают, арестовывают и штрафуют. С моей точки зрения, перестройке нанесен ущерб.

Внутренние войска, находящиеся в подчинении МВД, получили право применять силу в тех случаях, когда, по мнению руководства внутренних войск, возникает угроза общественному порядку. При этом специально оговорено, что внутренние войска подчиняются только министру внутренних дел, не подчиняясь местным органам власти. Тем самым решение вопроса о законности митинга или демонстрации попадает в ведение внутренних войск.

Единственным конституционным решением проблемы в данном случае было бы такое: граждане представляют в местные органы извещения о предстоящем митинге или демонстрации. Власти же принимают меры, чтобы митинг проходил с соблюдением порядка, чтобы посторонние силы не могли ему препятствовать. А если они считают, что данный митинг следует запретить, то запрещение может быть обжаловано в судебном порядке,

Национальные проблемы и проблемы национально-государственного конституционного устройства СССР. Конституция СССР в первом своем варианте составлялась в 20-е годы, потом в 30-е годы. В условиях, когда уже появились существенные извращения в области государственного строительства.

Национальная структура государства была построена по иерархическому принципу, по типу ветвящегося дерева. Государство, союзные республики, административно подчиненные ему автономные образования — республики и области, национальные округа — вот как это выглядело. Эта система сама по себе порождает острые национальные противоречия и проблемы, потому что малые этносы, группы людей оказываются в подчинении у более крупных. И это оказывается губительным не только для малых, но и для крупных образований, таких, как союзные республики.

По моему мнению, в новом, измененном варианте конституции должна быть установлена не иерархическая, а, как принято говорить, горизонтальная система связей. То есть центральное правительство, которое носит наднациональный характер, — и равноправные, хотя не обязательно равные по размерам и развитию области, образованные по национальному признаку. И, конечно, важные административные решения в каждом таком районе

должно принимать местное население. Естественно, с учетом общих интересов, но главное все-таки — мнение жителей данной области, данного района...

События в Нагорном Карабахе назревали очень давно. Азербайджанское население отвлекли от проблем — социальных, культурных и экономических, от факта существования хлопковой мафии, связанной с Узбекистаном, — и канализировали его недовольство в определенном направлении. А армянское большинство в Карабахе страдало от нарушения национальных прав, национальных традиций. Перестройка дала населению Нагорного Карабаха надежду на решение вопроса. Проблема вышла на поверхность; было принято знаменитое решение областного Совета народных депутатов о ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджана и Армении о перемене административного подчинения. Депутатов пытались заставить изменить свое решение, на каждого из них было оказано давление. Центральные власти сразу не приняли никакого решения, и эта нерешительность привела к сумгаитским событиям. Это целиком результат такого половинчатого и нерешительного отношения к воле народа, к воле местного органа власти. Надо найти какую-то иную форму... На промежуточном этапе это может быть центральное управление. Оставлять все по-старому или идти на какие-то полумеры нельзя.

Права граждан и государственные решения. От реализации этого права зависит судьба миллионов людей. Речь идет о решениях и по социальным вопросам, и по экономическим — скажем, по вопросу реформы цен. И по внешнеполитическим. Считаю недопустимым, чтобы без какого-либо обсуждения, без участия народа могли приниматься такие решения, как введение советских войск в Афганистан.

Смертная казнь. К сожалению, она существует не только в нашей стране, но и в большинстве стран. Вопрос о смертной казни — вопрос принципиальный. Это чрезвычайно жестокое наказание, которое иногда бывает более жестоким, чем само преступление. Вообще может ли быть наказанием насильственная смерть? И всегда есть возможность судебных ошибок. Смертный приговор делает их непоправимыми.

Наличие института смертной казни дегуманизирует общество. В то же время я знаю, что общественное мнение, люди, юридически неподкованные и не знакомые со статистикой, с состоянием дел в области преступности, не имеющие соответствующего социального опыта, очень часто высказываются за применение смертной казни. Выход из этой ситуации таков: с одной стороны, надо вести разъяснительную работу среди населения, но с другой — власти могут в какой-то мере идти впереди общественного мнения и управлять им. Здесь это оправдано. Но важно, чтобы и юристы, и психологи, психиатры, врачи и журналисты вели соответствующую работу. Особенно впечатляющими являются данные о большом числе ложных приговоров. Я выступал и выступаю против смертной казни (и не только в СССР) еще и потому, что эта мера наказания предусматривает наличие постоянного страшного аппарата исполнителей, целого института смертной казни.

Инакомыслящие и общество. Сейчас нравственное состояние нашего общества сильно изменяется. Оно испытывает встряску. На людей обрушилось

море информации о том, что у нас в действительности было в прошлом, что происходит в настоящем. Я считаю, что это очищающая сила, которая должна помочь, во всяком случае молодежи, обрести более демократическое сознание. А демократическое сознание включает уважение к людям с другим мнением и желание самому разобраться во всем, без слепой веры авторитетам. Инакомыслящие нужны обществу.

В целом же хочу сказать: с мыслью можно бороться только мыслью.

Лионская лекция (1989)

Здравствуйте! Через десять с небольшим лет закончится двадцатый век, и мы должны попытаться как-то оценить, как мы его будем называть, что в нем наиболее характерно. Конечно, на этот вопрос нет однозначного ответа.

Это был век двух мировых войн и множества так называемых «малых войн», унесших множество жизней. Это был век многих вспышек невиданного в истории геноцида. Несколько недель тому назад я вместе с пятью тысячами своих соотечественников стоял у раскрытой могилы, в которой производилось перезахоронение жертв сталинского террора. Рядом стояли представители трех церквей, и они служили заупокойную молитву. Это были православные священники, священники иудейские и священники мусульманские. Потому что среди сотен, тысяч безвинных жертв, которые там похоронены, были представители всех наций, всех религий.

И все-таки, когда мы думаем о двадцатом веке, есть одна характеристика, которая для меня кажется невероятно, необычайно важной: XX век — это век науки, ее величайшего рывка вперед. Развитие науки в XX веке проявило с огромной силой ее три основные цели, три основные особенности.

Это наука ради науки, ради познания. Наука как самоцель, отражение великого стремления человеческого разума к познанию. Это одна из тех областей человеческой деятельности, которая оправдывает само существование человека на земле.

Вторая цель науки — это ее практическое значение. Мы знаем, что именно в XX веке материальное производство стало основываться на науке гораздо в большей степени, чем когда бы то ни было. И в том, что мы производим, в нашем совокупном продукте значительную, может быть большую, часть составляют результаты науки. Это мы подразумеваем, когда говорим, что наука стала материальной производительной силой.

И, наконец, третья цель науки — некое единство, цементирующее человечество. Эти все три цели, все три особенности тесно переплетены между собой.

Наш обезьяноподобный предок, вероятно, был очень любопытным существом. Он отворачивал, поднимал камушки, которые лежали у него под ногами; он это делал по инстинкту любопытства, но то и дело находил под камушками червячков и жучков, служивших ему пищей. Из любопытства выросла фундаментальная наука. Она по-прежнему приносит нам плоды практические, часто неожиданные для нас.

Наука основывается на единых законах, единых понятиях, и в этом основа ее интернациональности. И хотя, как все живое, наука тоже противоречива в своих последствиях, но все-таки именно это объединяющее значение науки является главным. И именно общие законы природы и общества — те, которые даются фундаментальной наукой, — являются наиболее универсальными; значит, они больше всего должны нас сближать. Что произошло в фундаментальной науке?

На грани века представлялось, что основные законы физики уже установлены, остается только их как-то математически применять, и только небольшие облачка были на этом, казалось бы, ясном горизонте. Но мы теперь знаем, что из этих облачков выросли революционные изменения в фундаментальной науке о природе. Мы поняли, что та картина мира, которая восходит к Галилею и Ньютону, это только поверхностная часть реальности. А более фундаментальные законы гораздо абстрактней и глубже по своей природе и в то же время отличаются великолепной математической простотой. Эйнштейн не верил, что Бог играет в кости, но теперь мы, большинство физиков, уверены, что на самом деле законы природы носят вероятностный характер. Причем не просто потому, что мы не точно что-то знаем о природе или не точно умеем подсчитать, а потому, что эта вероятностная трактовка заложена в самой природе вещей.

Мы теперь знаем, что пространство и время объединены в единую геометрическую структуру. Это один из первых прорывов в новую физику, связанный с именами таких ученых, как Лоренц, Пуанкаре, Эйнштейн, и многих других. Но Эйнштейн, и это не случайно, стал как бы воплощением духа и новой физики, и нового от ношения физики к обществу. У Эйнштейна в его высказываниях в его письмах очень часто встречается такая параллель: Бог — природа. Это отражение его мышления и мышления очень многих людей науки. В период Возрождения, в XVIII, в XIX веках казалось, что религиозное мышление и научное мышление противопоставляются друг другу, как бы взаимно друг друга исключают. Это противопоставление было исторически оправданным, оно отражало определенный период развития общества. Но я думаю, что оно все-таки имеет какое-то глубокое синтетическое разрешение на следующем этапе развития человеческого сознания. Мое глубокое ощущение (даже не убеждение — слово «убеждение» тут, наверно, неправильно) — существования в природе какого-то внутреннего смысла, в природе в целом. Я говорю тут о вещах интимных, глубоких, но когда речь идет о подведении итогов и о том, что ты хочешь передать людям, то говорить об этом тоже необходимо. И это ощущение, может быть, больше всего питается той картиной мира, которая открылась перед людьми в XX веке.

Мы поняли, что мир гораздо более грандиозен, чем мы об этом могли думать, гораздо более разнообразен, и он не есть что-то статическое, он развивается во времени. Даже Эйнштейн не сразу признал возможность того, что Вселенная как целое — это динамическая система, которая развивается во времени; ему казалось, что это противоречит закону сохранения энергии. Но на самом деле закон сохранения энергии в применении ко Вселенной как к целому просто теряет свой смысл, и мы должны думать в других категориях.

Сравнениями общей теории относительности, созданной Эйнштейном, и с наблюдениями астрономов согласуется только теория расширяющейся Вселенной. Эта картина поставила нас перед двумя гигантской важности вопросами: что было вначале и куда мы движемся, каков у нас прогноз. Ни на один из этих вопросов сейчас исчерпывающего ответа нет. Но сама их постановка – это проявление нового, космического, космологического мышления, которое ставит наше человеческое сознание один на один с космосом, со Вселенной.

Когда-то Кант говорил, что есть два чуда: звездное небо над нами и чувство нравственного императива внутри нас. Сейчас мы повторяем то же самое, но только звездное небо перестало быть тем статическим собранием светящихся точек, как это было во времена Канта. Теперь мы имеем грандиозную картину мироздания, не познанного нами до конца, но видим, что оно гораздо больше и сложнее, чем мы могли когда-то представить. Но в нашем познании мира произошли и другие прорывы за эти полные научных событий десятилетия. Теперь мы считаем очень правдоподобным, что наше пространство имеет не три измерения, как учили нас в учебниках геометрии, а значительно больше. Эти дополнительные измерения замкнуты друг на друга в очень маленьком масштабе, но они существуют, и именно они определяют основные законы природы. Сложная геометрическая структура этого замкнутого на себя дополнительного пространства и симметрия этих структур определяют симметрию законов физики элементарных частиц. Мы считаем возможным, что в нашем мире наряду с теми телами, которые взаимодействуют с нами электромагнитными и ядерными силами, есть и другая материя, которая взаимодействует с нами только гравитационно. Это так называемый «зеркальный мир». Кроме этого, мы считаем почти несомненным, что большая часть обычного мира, нашего мира, тоже сосредоточена в невидимой для нас форме скрытой массы. Мы сейчас рассматриваем такую фантастическую возможность, что области, разделенные друг от друга миллиардами световых лет, имеют одновременно связь между собою при помощи дополнительных параллельных ходов, называемых часто «кротовыми норами», то есть мы не исключаем, что возможно чудо – мгновенный переход из одной области пространства в другую, почти мгновенный, за короткое время, причем в этом новом месте мы появимся совершенно неожиданно или, наоборот, кто-то появится рядом с нами совершенно неожиданно.

Я говорю об этом, чтобы было понятно, какие потрясающие проблемы обсуждаются на грани науки; может быть, многое из того, что я сказал, особенно относительно «кротовых нор», и есть заблуждение, но просто это показывает ту смелость мысли физиков и астрофизиков, то любопытство переворачивания камушков, которые характерны для современной науки.

В нашем же столетии создание новых средств исследования, в особенности электронного микроскопа и методов химического и биохимического анализа, совершило переворот в познании основ жизни. Мы необычайно много узнали о биохимических механизмах жизни и наследственности. Одновременно мы поняли, что мы еще больше не знаем, чем

знаем. Мы поняли, что жизнь — это наиболее сложное отражение возможностей природы. И для того чтобы познать эти процессы в их неизмеримой сложности, нам нужны новые методы исследования, новые методы анализа того, что происходит. Но одновременно с этими новыми проблемами возникли новые средства исследования, и среди них на первое место надо поставить развитие электронной вычислительной техники. Здесь мы уже имеем мост, один из бесчисленных мостов, возникших в нашем столетии между фундаментальной наукой и наукой прикладной.

Развитие биологии и генетики, общее развитие науки о жизни сделало возможным зеленую революцию. И хотя проблема снабжения людей продовольствием продолжает нас волновать, но мы видим, что возможности тут колоссальные и препятствием на самом деле являются социальные, экономические причины, неравномерность экономического и культурного развития на нашей планете.

Прикладная наука совершила колоссальный переворот в медицине, в здравоохранении, в создании новых гигиенических условий жизни на земле. Воплощением этого и как бы символом, отражающим в себе все, явились открытие антибиотиков и победа над инфекционными болезнями. Так же, как с зеленой революцией, эта победа неполна. По-прежнему миллионы людей умирают от инфекционных болезней, но мы теперь уже понимаем, что это враг побежденный, ведущий арьергардные бои.

Центральным в техническом прогрессе является энергетика, и вот здесь наука тоже дала колоссальный прорыв в будущее. Для того чтобы этот прогресс был реализован, еще предстоит пройти большой путь, но положено начало, и это чрезвычайно важно, потому что мы знаем, что существует прямая зависимость между затратой энергии на каждого человека и продолжительностью человеческой жизни.

И когда говоришь и думаешь о практической прикладной науке, то понимаешь, что человечество не может отказаться от этого движения, не может отказаться от прогресса. Развитие человечества возможно только поступательное, никакое возвращение к прежнему, примитивному, натуральному хозяйству невозможно. И мы должны думать о том, чтобы прогресс шел так, чтобы его негативные стороны не могли оказаться преобладающими. Чтобы прогресс не угрожал человечеству! Это, в первую очередь, вопрос о том, чтобы прогресс не был использован для самоуничтожения человечества в великой, всеобщей войне. Одновременно это также преодоление гигантской экологической опасности, угрожающей человечеству. И решение, полное решение этих проблем получить очень трудно, тут не может быть окончательных и простых рецептов. Но одно представляется несомненным: разделение человечества на два противостоящих лагеря — это главный источник опасности, превращающий глобальные проблемы в непосредственную угрозу существованию человечества. Этот наиболее опасный раздел исторически идет по линии противостояния социалистической и капиталистической систем. И я убежден, что только сближение этих систем, прекращение их противостояния — это кардинальное решение глобальных проблем человечества.

И наконец, третья функция науки — наука как объединяющая сила. Наука более объективна, чем искусство, менее связана с амбициями, чем спорт. И хотя и в науке мы часто встречаемся с негативными человеческими проявлениями, но все-таки они в ней, мне кажется, должны быть менее опасны, чем в других областях человеческой деятельности. И уже сейчас в современном мире мы видим эту интегрирующую функцию науки. Даже в такой маленькой точке, как наша личная судьба, это проявилось. Но еще важнее, в миллион, миллиард раз важнее беспристрастное, трезвое и дружественное внимание людей, в том числе людей науки, к тому, что происходит во всем мире.

Сейчас наша страна переживает критический период своей истории. Начавшийся несколько лет тому назад процесс достиг такого момента, когда люди, понявшие всю глубину кризиса своей страны, спрашивают себя и спрашивают власти: когда за словами последуют дела? Мы поняли, что за 70 лет наше общество показало свою экономическую несостоятельность, неспособность к истинному прогрессу, в том числе к техническому. Его экономическая система, созданная сталинизмом, на самом деле и есть сталинизм сегодня. Это неограниченная власть партийно-государственных монополий, воплощенная в двух параллельных структурах — структуре ведомств и разветвленной структуре партийного руководства. Эта система ответственна за бессмысленные зигзаги экономического развития, которые сопровождаются разрушением гигантских материальных ценностей. Одновременно она ответственна за разрушение экологии страны, которое носит невиданный, трагический характер. Она ответственна за самый большой в мире уровень эксплуатации рабочей силы государственным капитализмом. Тут есть простая количественная характеристика: доля национального совокупного продукта, идущего на оплату рабочей силы. Эта доля в нашей стране составляет около 35%, то есть примерно вдвое меньше, чем во всех развитых странах. Я не говорю об отсталости всех социальных структур — это теперь уже широко известно в СССР и, я думаю, известно в какой-то мере на Западе, — таких, как здравоохранение, образование и другие.

Наша страна стоит перед исторической задачей построения общества, в котором сочетаются экономическая эффективность и социальная справедливость. Сейчас у нас нет ни того, ни другого. От этого зависит судьба нашего народа, но одновременно зависит и то, чтобы мы перестали представлять угрозу всему миру.

Одновременно с процессами в нашем мире происходят грандиозные процессы в других странах, таких, как Китай, в развивающихся странах. Расправа над студентами в июне этого года — рубеж в истории Китая, когда его развитие по пути демократии и преобразований остановилось. Никакие прагматические соображения не могут оправдать то, что произошло в Китае.

Совершенно так же никакие временные прагматические соображения или соображения узконациональные не могут оправдать соглашательской политики по отношению к Советскому Союзу. Все взаимодействие Запада с СССР, с Китаем и с другими социалистическими странами, где идет борьба за выбор правильного пути, должно строиться из одного только принципа — помогать движению к плюрализму и не давать возможности консервации

застоя, укреплению сил сталинизма. Я говорю об этом в общей форме, конкретизация всегда сложна, и она требует индивидуального, конкретного рассмотрения, но общий принцип мне представляется несомненным, и именно из него надо исходить.

Во всем этом мировом комплексе вопросов роль науки, роль ученых совершенно исключительна. И, находясь в научной аудитории, испытываешь чувство оптимизма. Потому что чувствуешь, что находишься среди друзей, среди людей, которым небезразлично то, что происходит за пределами их специальности, и то, что они с помощью своей специальности могут сделать для общего блага. И если говорить о нашей стране, то это — способствовать плюралистическому развитию, а плюралистическое развитие – это часть того процесса конвергенции, которую я рассматриваю как кардинальную дорогу развития человечества. И я на этом кончаю и хочу вам сказать: спасибо за внимание!

Спасибо

«Разобщенность — это для меня обратная сторона плюрализма, свободы и уважения к индивидууму — этих важнейших источников силы и гибкости общества. В целом, и особенно в час испытаний, как я убежден, гораздо важнее сохранить верность этим принципам, чем иметь механическое, казарменное единство, пригодное, конечно, для экспансии, но исторически бесплодное. В конечном счете побеждает живое». — А. Д. Сахаров